

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ ДЛЯ КОРСИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Просят дать план Правления, подходящего для Корсики: это значит, что не представляют себе, сколь много при этом просят. Существуют народы, которые, как бы за то ни взяться, не могли бы иметь хорошего Управления, потому что у них Закон не имеет твердой основы, а Правление без законов не может быть хорошим Правлением. Я не говорю, что корсиканский народ находится в такого рода положении; совсем наоборот, он представляется мне более всего предрасположенным по своей природе к тому, чтобы получить хорошее управление. Но этого еще недостаточно: все может быть применено во вред, и такие злоупотребления часто неизбежны; а коль скоро речь идет о политических учреждениях, то следует знать, что злоупотребления приходят через столь малое время после возникновения этих последних, что едва ли стоит и создавать такие учреждения, чтобы увидеть столь быстрое их вырождение.

Это неудобство хотят предотвратить посредством механизмов, удерживающих Правление в его первоначальном состоянии; на него налагаются тысячу цепей, тысячу пут, чтобы удержать его, когда оно начнет клониться к вырождению; и его так спутывают, что, согнувшись под тяжестью своих оков, оно остается в бездействии, в неподвижности, и если и не склоняется к падению, то, тем не менее, неизменно идет к своему концу.

Все это происходит потому, что слишком разделяют две веди неразделимые: организм, который управляет, и организм, которым управляют. Эти два организма в первоначальном устройстве составляют единство; они разделяются лишь впоследствии, в результате злоупотреблений.

Самые мудрые в подобном случае создают, соблюдая все необходимые условности, Правление для нации. Есть, однако, гораздо более важная задача: создать нацию для Правления. В первом случае, по мере того как Правление вырождается, соответствие исчезает, так как нация остается все тою же. Во втором случае, все постепенно изменяется; и нация, увлекая за собой Правление, сохраняет его, когда сама сохраняется, и вызывает его вырождение, когда вырождается. Нация и ее Правление подходят друг другу во все времена.

Корсиканский народ находится в том счастливом состоянии, которое делает хорошее внутреннее устройство возможным; он может приняться за это дело с самого начала и принять все меры к тому, чтобы не выродиться. Исполненный крепости и здоровья он может установить у себя в стране такое Правление, которое сохранит ему крепость и здоровье. Однако такое устройство сразу же натолкнется на некоторые препятствия. Корсиканцы не приобрели еще пороков других наций, но уже приобрели их предрассудки; эти предрассудки — вот с чем необходимо бороться и вот что нужно уничтожить, чтобы создать хорошее государственное устройство.

ПРОЕКТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Выгодное положение острова Корсики¹ и счастливый нрав его жителей, казалось бы, дают им разумную надежду на то, чтобы стать процветающим народом и занимать подобающее им положение в Европе, если в том устройении, которое ими задумано, они обратят свои взоры в эту сторону. Но крайнее истощение, в которое их ввергли сорок лет непрерывных войн², нынешняя бедность их острова, его безлюдность и опустошенность — состояние, в котором он теперь находится, — не позволяют сейчас же ввести у себя разорительное управление, такое, какое было бы нужно для того, чтобы создать отвечающий этой цели твердый порядок. К тому же, тысяча непреодолимых

препятствий встала бы перед ними при осуществлении этого плана. Генуя, владеющая еще частью побережья³ и почти всеми приморскими поселениями, будет снова и снова, тысячу раз уничтожать их создающийся флот, беспрерывно подвергающийся двойной опасности со стороны генуэзцев и со стороны берберов⁴. Корсиканцы смогут владеть морем лишь с помощью вооруженных кораблей, которые обойдутся им в десятеро дороже того, что они могли бы заработать торговлей. Не защищенные от нападения ни с суши, ни с моря, вынужденные обороняться со всех сторон, к чему они придут? Представленные произволу всех, не имея возможности, из-за своей слабости, заключить какое бы то ни было выгодное торговое соглашение, они были бы всем и во всем покорны; они получали бы, подвергаясь такому риску, лишь доходы, которые презрел бы всякий другой и которые неизменно сводились бы к нулю. Пусть бы даже волею счастливой случайности, что и вообразить нелегко, они преодолели все трудности, тогда само их процветание привлекло бы к ним жадные взоры их соседей и создало бы новую опасность для их плохо обеспеченной свободы. Являя собою постоянный предмет вожделений для великих Держав и зависти для малых, остров их жил бы ежеминутно под угрозою нового порабощения, от которого он уже не смог бы освободиться.

С какою бы целью ни желала корсиканская нация получить государственное устройство, первое, что она должна сделать, это — обеспечить себе самой все то постоянство, которое для нее доступно. Всякий, кто зависит от других и не имеет своих внутренних средств, не сможет стать свободным Союзы, договоры, доверие людей — все это может привязать слабого к сильному, но никак не сильного к слабому.

Поэтому оставьте переговоры Державам и рассчитывайте лишь на самих себя. Храбрые корсиканцы, кто лучше вас знает все, что можно получить у самих себя? Не имея ни друзей, ни поддержки, ни денег, ни армии, подчиненные грозным повелителям⁵, вы одни, без чьей-либо помощи, сбросили их иго. Вы видели, как объединялись они в лиги, направленные против вас, как один за другим самые грозные властители Европы наводняли ваш остров чужеземными армиями; вы все превозмогли. Одна только ваша твердость совершила то, чего не смогли бы сделать никакие деньги; если бы вы желали сохранить ваши богатства, вы потеряли бы свободу. Не надо судить о вашей нации по другим нациям; принципы, взятые из вашего собственного опыта, — это и есть самые лучшие принципы, по которым вы сможете управлять собою.

Дело не столько в том, чтобы вы стали иными, чем вы сейчас, сколько в том, чтобы вы сумели сохранить себя такими, как вы есть. Корсиканцы приобрели многое с тех пор, как они получили свободу; они соединили благородумие с храбростью; они научились подчиняться равным себе; они приобрели добродетели и добрые нравы, не имея никаких законов; если бы они могли на том остановиться, я бы, пожалуй, не считал, что необходимо что-либо делать. Но

когда минет объединившая их опасность, вновь вспыхнет заглохшая было перед лицом этой опасности внутренняя рознь; и вместо того, чтобы объединить свои силы для поддержания независимости, эти враждующие группы будут использовать эти силы друг против друга, и будут уже не в силах защищаться, если нападут на них еще раз. Теперь мы уже знаем, что нужно предупредить. Разделение корсиканцев на враждующие между собою группы было для их повелителей коварным средством сделать их слабыми и зависимыми⁶; но эта хитрость, непрерывно ими применяемая, воспитала в конце концов в жителях Корсики склонность к взаимной вражде и сделала их от природы беспокойными, мятежными, а управление ими — затруднительным, даже для их собственных правителей. Нужны хорошие законы, нужно новое внутреннее устройство, чтобы восстановить согласие, от которого тирания ничего не оставила, вплоть даже до желания его добиться. Корсика, подвластная чужеземным повелителям и не способная покорно нести на себе их жестокое иго, бурлила постоянно. Теперь нужно, чтобы ее народ научился новому и искал мира в свободе.

Вот, следовательно, те принципы, которые, по-моему, должны служить основою для их законодательства: использовать все лучшие качества своего народа и своей страны в наибольшей мере; развивать и объединять собственные свои силы; лишь на эти силы опираться; и не помышлять о чужеземных Державах, как если бы ни одной из них вовсе не существовало.

Будем отправляться от этого при обосновании принципов наших установлений.

Остров Корсика не может увеличить свои денежные богатства, поэтому он должен стремиться стать богаче людьми. Сила, которую дает численность населения, более существенна, нежели та, которую дают финансы, и действует она гораздо вернее. То, что создают руки человеческие, всем видно и всегда предназначено для всех. Не так обстоит дело с использованием денег: они текут и тают в делах частного назначения; их копят для одной цели; их тратят на другую; народ платит за то, чтобы ему оказывали покровительство, и то, что он отдает, служит для его же угнетения. Из этого следует, что Государство, богатое деньгами, всегда слабо, а Государство, богатое людьми, всегда сильно⁷.

Чтобы умножить число людей, нужно умножить сумму средств к их существованию; отсюда — земледелие. Я понимаю под этими словами не искусство вдаваться в тонкости сельского хозяйства, учреждать академии, которые о нем рассуждают, создавать книги, которые касаются этого предмета. Я имею в виду государственное устройство, которое побуждает народ расселяться по всей поверхности занимаемой им территории и там оседать; обращать эту территорию во всех местах; любить сельскую жизнь и труды, к ней относящиеся; находить в ней в такой мере все необходимое и все при-

ятное для жизни, чтобы уже не иметь никакого желания эту жизнь оставить. Склонность к сельскому хозяйству благотворна не только потому, что она умножает средства к существованию населения, но также потому, что она придает нации в целом такой характер и такие нравы, которые все больше увеличивают численность самого населения. Во всякой стране прирост населения в деревнях больше, чем в городах, по причине ли простоты сельской жизни, которая создает телосложение более крепкое; по той ли причине, что сельские жители заняты упорным трудом, а это предупреждает разврат и пороки. Ибо при всех прочих равных условиях, самые целомудренные те женщины, у которых чувственность менее всего подогревается постоянною привычкою к наслаждениям, они производят на свет больше детей, чем другие; и не менее достоверно, что мужчины, истощенные развратом, неизбежным плодом праздности, менее способны к зачатию, чем те мужчины, которых трудовой образ жизни делает более сдержанными.

Крестьяне привязаны к своей земле много больше, чем горожане — к своим городам. Равенство, простота сельской жизни имеют для тех, кто никакой другой жизни не знает, такую привлекательность, что у них не возникает желания сменить свою жизнь на другую. Отсюда — удовлетворенность своим состоянием, которая делает человека спокойным; отсюда — любовь к отечеству, которая привязывает его к существующему в стране внутреннему устройству.

Обработка земли делает людей терпеливыми и крепкими, такими, какие нужны, чтобы стать хорошими солдатами. Те солдаты, которых набирают в городах, строптивы и изнежены; они не могут переносить тяготы войны; число их тает во время переходов; их уносят болезни; они дерутся друг с другом и бегут при виде врага. Закаленная милиция — вот войска самые надежные и наилучшие; настоящее воспитание солдата — обработка земли.

Единственное средство удержать Государство в состоянии независимости от кого-либо — это сельское хозяйство. Обладай вы хоть всеми богатствами мира, если вам нечем питаться — вы зависите от других; ваши соседи могут назначить вам за ваше серебро ту цену, какая им будет угодна, потому что они могут ждать. Хлеб же, который нам необходим, имеет для нас такую цену, что мы не можем по этому поводу спорить; а во всякого рода торговле тот, кто меньше всего торопится, диктует свою цену другому. Я признаю, что при системе финансовой надо было бы исходить из других соображений; все зависит от конечной цели, к которой мы стремимся. Торговля создает богатство, но сельское хозяйство обеспечивает свободу.

Скажут, что лучше было бы иметь и то, и другое; но эти вещи несовместимы, как это будет показано дальше. Во всякой стране, скажут мне далее, возделывают землю. Я с этим согласен: так же, как во всякой стране ведется торговля, повсюду продают и покупают, мало или много — но это не значит, что повсюду сельское хозяйство и торговля процветают. Я не рассматриваю

здесь то, что делается вследствие необходимого хода вещей, но то, что вытекает из особенностей того или иного Правления и общего духа нации.

Хотя форма Правления, которую народ принимает, определяется чаще случаем и счастьем, чем его выбором, однако в природе и почве каждой страны заложены такие качества, которые делают одно Правление более подходящим, чем другое; и каждая форма Правления имеет особую силу, которая склоняет народы к тому или иному занятию.

Форма Правления, которую нам следует избрать, во-первых, не будет дорогостоящей, потому что Корсика бедна; а во-вторых,— более всего благоприятна для сельского хозяйства, так как сельское хозяйство является пока что единственным занятием, которое может сохранить корсиканскому народу добытую им независимость и дать ему ту устойчивость, в которой он так нуждается.

Управление, которое обходится дешевле всего, это — такое управление, которое имеет меньше всего ступеней и требует наименьшего числа различных разрядов: это, в общем,— строй республиканский, и, в частности,— демократический.

Управление, более всего благоприятное для сельского хозяйства, это — такое управление, которое не сосредоточено в одном каком-либо месте и не требует неравномерного расселения народа, но позволяет ему равномерно расселиться по данной территории: такова демократия.

Мы видим в Швейцарии весьма поразительное применение этих принципов. Швейцария — в общем страна бедная и бесплодная. В ней повсюду республиканское Правление. Но в более плодородных кантонах, таких как кантоны Бернский, Солерский и Фрибургский, Правление аристократическое. В более бедных кантонах, там, где обработка земли — дело более неблагодарное и требует большего труда, Правление демократическое. Государство имеет лишь то, что нужно, чтобы существовать при простейшей форме управления. Оно истощилось бы и погибло при всякой иной.

Скажут, что Корсика, страна более плодородная и расположенная в более мягком климатическом поясе, может снести и более обременительное Управление. Это было бы верно в иное время; но теперь, угнетенная долгим рабством, истощенная долгими войнами, корсиканская нация прежде всего нуждается в том, чтобы восстановить свои силы. Когда она использует богатства своей плодородной земли, она сможет помышлять о том, чтобы стать процветающей, и дать себе более блестящее управление. Скажу больше того: успех первоначального устроения вызовет в дальнейшем необходимость его изменения. Возделывая поля, мы образовываем свой ум; всякий земледельческий народ множится; он умножается в соответствии с тем, что приносит ему земля; и, когда эта земля плодородна, он умножается, в конце концов, столь усиленно, что земли может ему уже не хватить; тогда он вынужден создавать колонии⁸ или изменить свое Правление.

Когда страна перенаселена, избыток жителей нельзя уже использовать для обработки земли; этот избыток надлежит использовать в промышленности, в торговле, в ремеслах; и эта новая система требует другого управления. Пусть же государственное устройство, которое собирается создать Корсика, приведет эту страну в скором времени к необходимости изменить его именно таким образом! Но пока не будет в ней людей больше, чем она может занять, пока на острове останется хоть пядь целины, Корсика должна придерживаться земледельческой системы и не менять ее до тех пор, пока территория острова не окажется уже недостаточной для народа, населяющего этот остров.

Земледельческая система требует, как я сказал, демократического строя; таким образом, форма управления, которую нам предстоит избрать, уже ясна. Правда, при ее применении предстоит внести некоторые изменения в соответствии с величиною острова; ибо Правление чисто демократическое подходит скорее для небольшого города, чем для нации. Невозможно собрать в одном месте все население страны, как это можно сделать с населением одного города; а когда верховная власть вручается депутатам, Правление уже изменяется и становится аристократическим. Для Корсики подходит смешанное Правление, то есть такое Правление, когда народ собирается вместе лишь по частям и когда блюстители его власти часто сменяются. Это прекрасно понял автор сочинения, написанного в 1764 г. в Весковадо⁹; сочинения превосходного, по которому можно уверенно справляться обо всем, что нами здесь не объясняется.

Эта форма, утвердившись, даст два преимущества. Первое — то, что управление будет поручаться лишь небольшому числу людей; это позволяет выбирать людей просвещенных. Второе — то, что все члены Государства станут оказывать содействие верховной власти: это создаст для всего народа условия для полного совершенства, позволит ему расселиться по всей поверхности острова и заселить этот остров повсюду равномерно. В этом — основной принцип предлагаемого нами устройства. Сделаем же его таким, чтобы оно повсюду поддерживало равновесие населения; и одним этим мы сделаем государственное устройство Корсики самым совершенным, какое возможно. Если хорош этот принцип, то наши правила становятся вполне ясны, и все наше дело удивительно упрощается¹⁰.

Часть этого дела уже сделана: нам предстоит разрушить не столько учреждения, сколько предрассудки; дело идет не столько об изменении, сколько о завершении. Ваши установления подготовили сами генуэзцы; заботою, достойною Провидения, они, думая укрепить тиранию, заложили основу свободы. Они отняли у вас почти всякую торговлю; и, в самом деле, для вас сейчас не время иметь торговлю. Если бы была для вас возможна внешняя торговля, то ее следовало бы запретить до тех пор, пока ваше государственное устройство не получит прочного основания и пока внутри своей страны

вы не будете получать все, что можете получить. Генуэзцы препятствовали вывозу продуктов питания, которые вы производите; а ваши интересы требуют вовсе не того, чтобы эти продукты вывозились, но того, чтобы на острове рождалось достаточно людей, чтобы их потреблять.

Отдельные церковные приходы и судебные округа¹¹, которые генуэзцы образовали или собирались учредить, чтобы облегчить себе сбор податей,— это единственное возможное средство установить демократию для всего народа, который не может сразу собраться в одном месте. Эти приходы и округа суть также единственное средство, чтобы страна была независимою от городов, которые легче держать под ярмом. Они, кроме того, постарались уничтожить знать, лишить ее званий и титулов, уничтожить крупные лены. Это счастье для вас, что они взяли на себя все, что в этом деле было отталкивающего, все, что вы, быть может, не смогли бы сделать, если бы не сделали они того прежде вас. Заканчивайте же их дело без колебаний; полагая, что трудятся ради себя, они трудились ради вас. Только цели у вас весьма разные: генуэзцам важна была сама эта мера, а вам — ее последствия. Они хотели лишь унизить благородное сословие; вы же хотите облагородить нацию. Это — вопрос, по которому у корсиканцев, как я вижу, нет еще здравых представлений. Во всех своих меморандумах, в Аахенском протесте¹², они жаловались, что Генуя унизила или, даже более того, уничтожила их знатное сословие. Это было, несомненно, огорчительно, но не было бедою; это, напротив,— преимущество, без которого им было бы невозможно оставаться свободными.

Это значит принять тень за тело — видеть достоинство Государства в титулах некоторых из его членов. Когда Корсика принадлежала Генуе, ее населению могло быть полезно иметь маркизов, графов, титулованную знать, которая служила, так сказать, посредником корсиканского народа перед Республикой. Но против кого были бы нынче полезны подобные защитники, которые способны не столько оградить корсиканский народ от тирании, сколько присвоить себе право самим его тиранить? которые разоряли бы народ своими притеснениями и раздорами до тех пор, пока один из них, поработивши прочих, не превратил бы всех своих сограждан в своих подданных?

Будем различать два рода знати: знать феодальную, которая присуща монархии, и знать политическую, которая присуща аристократии. Первая из них имеет несколько званий или степеней: одни здесь титулованные, другие — не титулованные, начиная с крупных вассалов и кончая простыми дворянами; права этой знати, хотя и являются наследственными,— это так сказать, права индивидуальные; они остаются закрепленными за каждою семьею и, будучи совершенно независимыми друг от друга, они независимы также от внутреннего устройства Государства и от суверенитета. Вторая, напротив, объединена в единую нераздельную корпорацию, все права которой принадлежат целому, а не отдельным его членам; эта знать составляет столь сущест-

венную часть Политического организма, что ни она не может без него существовать, ни он без нее; и все индивидуумы, ее составляющие, по своему рождению будучи равны по титулам, привилегиям и своему авторитету, сливаются в одно под общим названием патрициев.

Из титулов, которые носила древняя корсиканская знать, из названий феодальных поместий, которыми она владела, и из ее почти суверенных прав яствует, что эта знать принадлежала к первому роду и что она была обязана своим происхождением либо завоевателям — маврам или французам, либо государям, которым папы пожаловали остров Корсику¹³. Но дворянство этого рода тем менее имеет оснований войти в демократическую или смешанную Республику, что оно не может даже быть включено в состав аристократии, ибо аристократия допускает лишь права всей корпорации, а не индивидуальные права. Демократия, после добродетели, не признает ничего благородным, кроме свободы; аристократия также не признает благородным ничего, кроме законной власти. Все, что чуждо для определенного внутреннего устройства, должно быть изгнано бесследно из Политического организма. Оставьте же другим Государствам все эти титулы маркизов и графов, унизительные для простых граждан¹⁴. Основным законом ваших установлений должно быть равенство. Все должно подчиняться равенству, вплоть до самой власти, которая устанавливается лишь для того, чтобы его защищать. Все должны быть равны по праву рождения; Государство должно жаловать отличия лишь за заслуги, за добродетели, за службу отечеству; и эти отличия не должны уже быть наследственными, если качества, давшие к тому основания, не перешли по наследству. Мы вскоре увидим, как можно выделить у народа различные разряды так, чтобы рождение и знатность не играли при этом никакой роли. Все лены, присяга вассалов, чинш и феодальные повинности¹⁵, уничтоженные ранее, будут таким образом уничтожены навсегда; и Государство выкупит все еще существующие так, чтобы все сеньориальные грамоты и права¹⁶ были уничтожены и отменены на всем острове¹.

Чтобы все части Государства сохраняли между собою, насколько сие возможно, такое же равенство, как то, которое мы стремимся установить между индивидуумами, следует упорядочить границы областей, церковных приходов и судебных округов так, чтобы уменьшить ту крайнюю неравномерность, которая в них наблюдается. Одна только провинция, включающая Бастию и Неббю, насчитывает столько же жителей, сколько семь провинций — Капокорсо, Аллерия, Портовеккьо, Сартене, Вико, Кальви и Альгалльола. Провинция Аяччо насчитывает больше жителей, чем все четыре соседние с нею провинции вместе взятые. Не устранивая границ полостью и не уничтожая существующих отношений и делений, можно уменьшить посредством некоторых

¹ Я вижу из различных сочинений, которые были мне переданы, что корсиканцы весьма горюют о своем дворянстве и об уничтожении ленов.

небольших изменений эти огромные несоразмерности. К примеру, упразднение ленов делает возможным образовать из территории ленов Канари, Брандо и Нонца новый судебный округ, который, будучи дополнен церковным приходом Пьетрабувью, окажется по своим размерам примерно равным судебному округу Капокорсо. Лен Истрия, объединенный с провинцией Сартене, все же не уравняет еще эту провинцию в размерах с провинцией Корте; а провинция Бастия и Неббюо, если ее даже и уменьшить на один церковный приход, может быть разделена на два судебных округа, все еще весьма крупные, которые будет отделять друг от друга Гуоло. Это лишь к примеру, чтобы вы меня поняли; ибо я не знаю достаточно местность, чтобы я мог что-либо решить окончательно.

Благодаря этим незначительным изменениям, остров Корсики, который я вижу полностью свободным, окажется разделенным на двенадцать судебных округов, не слишком отличающихся друг от друга по своим размерам и значению, особенно после того, как мы ограничим, как должно сделать, муниципальные права городов и тем самым сократим ту сферу юрисдикции, которую эти округа обладали благодаря этим городам.

Города в стране полезны настолько, насколько в них развивают торговлю и ремесла; но для системы, которую мы приняли, города вредны. Их жители — или земледельцы, или бездельники. Но землю всегда лучше обрабатывают крестьяне, чем горожане; а вот от праздности-то и идут все пороки, которые до настоящего времени разоряли Корсику. Глупая гордость горожан лишь развращает землепашца и отбивает у него охоту трудиться. Предавшись изнеженности и тем страстиам, которые она возбуждает, горожане погрязают в разврате и продают себя, чтобы удовлетворить эту потребность. Корысть заставляет их работать, а безделье лишает покоя; они рабы или бунтовщики, но никогда несвободные люди. Это различие ощутимо давало себя знать в течение всей недавней войны и с тех пор, как нация разбила свои оковы. Сила и крепость ваших приходов — вот что свершило нынешний переворот; их незыблемость — вот что его поддержало; к вам от них перешло это непоколебимое мужество, которого не могли сломить никакие превратности судьбы. Города, населенные людьми корыстолюбивыми, предали свою нацию, чтобы сохранить себе несколько ничтожных привилегий, которым генуэзцы умели искусно придать цену; и, справедливо наказанные за свою трусость, города остаются гнездами тирании, тогда как корсиканский народ наслаждается уже с гордостью свободой, которую он добыл ценой своей крови.

Вовсе не нужно, чтобы земледельческое население взирало с вожделением на жизнь в городах и завидовало судьбе бездельников, их населяющих; вовсе не нужно, следовательно, поощрять переезд в города особыми преимуществами, задерживающими заселение всей страны и подрывающими свободу нации. Нужно, чтобы землепашец не стоял по рождению своему ниже кого

бы то ни было; чтобы он видел над собою лишь законы и магистратов; и чтобы он сам мог стать магистратом, когда он того достоин по своим дарованиям и неподкупности. Одним словом, города и их жители так же, как феоды и их владельцы, не должны сохранить никаких особых привилегий. Все на острове должны иметь одинаковые права, нести одинаковые повинности. и остров должен превратиться целиком и полностью в то, что именуют местным названием: *Terra di commune**¹⁷.

Но если города вредоносны, то столицы приносят вред еще больший; столица — это бездна, в которой почти вся нация теряет свои добрые нравы, законы, свое мужество и свободу. Воображают, что большие города способствуют росту сельского хозяйства, потому что они поглощают много продовольствия; но еще больше они поглощают земледельцев, либо в результате желания этих последних взяться за новое привлекающее их ремесло, либо в результате естественного развращения городского населения, которое получает постоянное пополнение из деревень. В окрестностях столицы дарит оживление; но чем больше от нее удаляешься, тем больше все напоминает пустыню. Из столицы идет непрерывно дыхание той чумы, которая истощает и, в конце концов, уничтожает нацию.

Однако каждому Правительству необходим центр, некое средоточие, которому бы все подчинялось: было бы слишком неудобно сделать верховное управление перемещающимся с места на место. Чтобы оно могло переходить из провинции в провинцию, пришлось бы разделить остров на несколько небольших союзных Штатов, из которых каждый по очереди превращался бы в средоточие верховной власти; но эта система усложнила бы ход государственной машины; ее части были бы меньше между собою связанны.

Остров, не будучи столь большим, чтобы сделать такого рода разделение необходимым, все же слишком велик, чтобы можно было обойтись совсем без столицы. Но следует, чтобы все судебные округа имели свой объединяющий центр в столице, однако без того, чтобы в эту столицу тянулось население; чтобы все с нею сообщалось и чтобы все, тем не менее, оставалось на своем месте. Одним словом нужно, чтобы место пребывания верховного Правительства было не столько столицею, сколько главным городом.

Сама необходимость определила здесь выбор нации так, как это сделал бы разум. Генуэзцы, сохранив господство над приморскими городами, оставили вам лишь город Корте¹⁸; расположенный не менее удачно, для управления корсиканского, чем Бастия для управления генуэзского. Корте, находящийся в середине острова, отстоит со всех сторон почти на равном расстоянии от побережья. Он расположен как раз между обеими большими частями острова *di qua* и *di là de'monti*** и в равной мере доступен всем. Он расположен да-

* Территория коммуны (*итал.*).

** По эту и по ту сторону гор (*итал.*).

леко от берега, что сохранит его жителям их нравы, простоту, прямодушие, национальный характер дольше, чем если бы он был подвержен влиянию чужестранцев. Он расположен в самой возвышенной части острова с весьма здоровым климатом, но мало плодородной почвой, и почти у истока рек: это, делая подвоз продовольствия более затруднительным, никак не позволяет ему слишком разрастаться. Если же добавить ко всему этому предосторожность, состоящую в том, чтобы не делать ни одну из важных государственных должностей ни наследственною, ни даже пожизненною, то следует предположить, что должностные лица, будучи лишь временными жителями в этом городе, долго не приадут ему того пагубного великолепия, которое порождает блеск и гибель Государства.

Вот первые соображения, на которые меня натолкнуло беглое ознакомление с местными условиями острова. Прежде чем говорить теперь более подробно о Правлении, следует начать с того, что оно должно делать и какими принципами должно руководиться. Вот что окончательно определит его форму; ибо каждая форма Правления имеет свой присущий и свойственный ей дух, от которого она никогда не уклонится.

Мы разравнивали до сих пор национальную почву¹⁹ настолько, насколько могли это сделать; попытаемся же теперь начертать на ней план здания, которое нужно воздвигнуть. Первый принцип, из которого нам следует исходить,— это национальный характер: каждый народ имеет или должен иметь национальный характер; если бы не было его у народа, то пришлось бы начинать с того, чтобы ему такой характер дать. Жители островов, в особенности, мало смешиваются с другими народами и поэтому имеют обычно наиболее ярко выраженный национальный характер. В частности, корсиканцы обладают таковым от природы; и если этот характер, обезображеный рабством и тиранией, с трудом теперь распознается, зато, благодаря обособленному положению корсиканцев, его легче восстановить и сохранить.

Остров Корсики, говорит Диодор²⁰, горист, порос лесами и орошаются большими реками. Жители его питаются молоком, медом и мясом, которые страна дает им очень щедро; они соблюдают в отношениях между собою принципы справедливости и человечности более неуклонно, нежели другие варвары; тот, кто первым нашел мед в горах или в дуплах деревьев, уверен, что никто не будет у него этот мед оспаривать. Они всегда уверены в том, что найдут своих овец, который каждый метит своим знаком и затем отпускает пастьись без всякой охраны; тем же духом равенства, они, очевидно, руководятся во всех обстоятельствах своей жизни.

Великие историки умеют в самых простых рассказах без собственных рассуждений объяснить читателю причину каждого факта, о котором они сообщают.

Если страна заселена не колонистами, то изначальный характер жителей определяется именно природою почвы. Земля грубая, неровная, труднообра-

батываемая должна доставлять больше пищи зверям, чем людям; поля там должны быть редки, а пастбища обильны. Отсюда — разведение скота и пастушеская жизнь. Стада, принадлежащие отдельным людям, бродящие в горах, перемешиваются, смешиваются. Нет иного замка, чтобы запереть мед, кроме метки первого, кто его нашел; собственность может устанавливаться и сохраняться лишь на основе общего доверия; и крайне необходимо, чтобы все были справедливы: иначе ни у кого ничего не будет, и народ погибнет.

Горы, леса, реки, пастбища — можно подумать, что читаешь описание Швейцарии? Поэтому-то в Швейцарии некогда встречался тот национальный характер, который Диодор приписывает корсиканцам, — справедливость, человечность, доверие. Вся разница состояла в том, что, живя в более суровом климате, швейцарцы были более трудолюбивы; погребенные в течение шести месяцев под снегом, они вынуждены были делать запасы на зиму; разбросанные по своим скалам, они обрабатывали их, затрачивая много труда, который делал их крепкими; постоянный труд не давал им времени узнатъ страсти; сообщения были все время затруднены, и потому, когда снега и льды окончательно их разъединяли, каждый в своей хижине был вынужден довольствоваться самим собою и своею семьей: отсюда — их несложные и грубые промыслы. Каждый занимался в своем доме всеми необходимыми ремеслами: все были каменщиками, плотниками, возчиками. Реки и потоки, отделяющие их друг от друга, давали зато каждому из них средства обойтись без своих соседей; множились лесопильни, кузни, мельницы; они научились использовать ручьи как для того, чтобы приводить в движение колеса, так и для того, чтобы иметь больше воды для поливов. Так, среди их пропастей и холмов, каждый, живя на своей земле, научился извлекать из нее все, что ему необходимо, чувствовать себя на ней привольно и не желать ничего сверх этого. Так как интересы и нужды не сталкивались и так как никто не зависел от другого, то все они имели между собою лишь доброжелательные и дружеские связи; согласие и мир царили в их многочисленных семействах. Не приходилось им почти ни о чем между собою договариваться, кроме как о браках, в которых считались лишь с природной склонностью; эти браки заключались не из честолюбия и их не могли расстроить ни выгода, ни неравенство.

Так этот народ бедный, но не испытывавший ни в чем нужды, жил в совершеннейшей независимости и множился, таким образом, в единении, которого ничто не могло нарушить; у него не было добродетелей, ибо ввиду отсутствия пороков, которые нужно было бы преодолевать, ему ничего не стоило поступать добродетельно; и народ этот был добрым и справедливым, даже не зная, что такое справедливость и что — добродетель. Из силъ, с какою эта трудовая и независимая жизнь привязывала швейцарцев к их отечеству, и возникли два главных средства для его защиты, именно: согласие в решениях и мужество в сражениях. Когда подумаешь о постоянном единстве, которое царило среди этих мужей, без повелителей, почти без законов, мужей,

которых окружавшие их государи с помощью всяческих ухищрений политики пытались разобщить; когда видишь неколебимую твердость, стойкость, даже ожесточение, которое эти грозные люди проявляли в сражениях, решившись умереть или победить и не допуская даже мысли о том, чтобы отделить свою жизнь от свободы,— нетрудно уже постигнуть те чудеса, которые они совершали для защиты своей страны и независимости; не удивляешься больше, когда видишь, как три величайшие державы²¹ и войска самые закаленные в Европе поочередно терпели неудачу в своих действиях против этой героической нации, которую простота ее делала столь же непобедимою для хитрости, как мужество ее — для доблести. Корсиканцы! Вот пример, которому вы должны следовать, чтобы вернуться к вашему первоначальному состоянию.

Но эти поселения, которые знали сначала лишь самих себя, свои горы и свой домашний скот, защищаясь от других наций, узнали эти другие нации; их победы открыли им границы соседей; слава их храбрости породила у государей мысль их использовать. Государи начали содержать на жалованье эти войска, которые они не могли победить; эти храбрые люди, которые столь хорошо защищали свою свободу, стали душителями свободы других народов. Вызывало удивление то, что они сохранили, служа чужим господарям, ту же доблесть, с какою они этим господарям противостояли, ту же верность, какую сохраняли они своему отечеству; что они продавали за деньги доблести, которые менее всего можно купить и которые деньги в самом скором времени разворачивают. Но в эти ранние времена они сохраняли на службе у государей ту же гордость, с какою они этим господарям противостояли; они смотрели на себя не столько как на телохранителей, сколько как на защитников, и считали, что продают господарям не столько свои услуги, сколько свое покровительство.

Незаметно они развратились и стали уже только наемниками; вкус к деньгам дал им почувствовать, что они бедны; презрение к своему состоянию неприметно уничтожило добродетели, порожденные этим состоянием, и швейцарцы превратились в людей, которые обходятся в пять су, подобно тому, как французы обходятся в четыре. Другая причина, более скрытая, развратила эту крепкую нацию. Уединенная и простая жизнь делала их независимыми так же, как и сильными; каждый из них не знал иного господина, кроме себя; но так как у них у всех были одинаковые интересы и одинаковые вкусы, то они без труда объединялись, ибо желали сделать одно и то же; однообразие их жизни заменяло им Закон. Но когда в результате общения с другими народами они приучились любить то, чего должны были бы опасаться, и восхищаться тем, что должны были бы презирать, честолюбие предводителей заставило их изменить своим правилам; они почувствовали, что для того, чтобы лучше господствовать над народом, надо привить ему другие вкусы, которые сделают людей зависимыми друг от друга. Отсюда — появление торговли, промыслов и роскоши, которые, привязывая частных лиц к установленной в об-

ществе власти их ремеслами и нуждами, заставляют их зависеть от тех, которые управляют, гораздо больше, чем это имело место в их первоначальном состоянии.

Бедность начала ощущаться в Швейцарии лишь тогда, когда в этой стране начали появляться деньги; деньги установили такое же неравенство в средствах к жизни, как и в судьбах людей; они стали для всех, кроме полностью неимущих, главным средством приобретения. Торговые заведения и мануфактуры увеличились в числе; ремесла отняли множество рук у сельского хозяйства. Люди, неравномерно расселяясь, множились и переселялись в края, более благоприятно расположенные, где легче было добывать средства к жизни. Одни покинули свою родину, другие стали для нее бесполезными, ибо потребляли и ничего не производили; большое число детей стало им в тягость. Населенность заметно уменьшилась; и в то время как множилось население в городах, возросшее пренебрежение к обработке земель, более обременительные жизненные потребности, делая более необходимыми иноземные товары, поставили страну в большую зависимость от ее соседей. Праздная жизнь породила разврат и умножила число прихлебателей в свите властителей; любовь к отечеству, угасшая во всех сердцах, уступила место одной только любви к деньгам; и так как все чувства, возвышающие душу, были подавлены, не видно было больше ни твердости в поведении, ни силы в решениях. Когда-то бедная Швейцария диктовала свою волю Франции; теперь же богатая Швейцария дрожит, когда нахмурит брови какой-нибудь французский министр²².

Вот великие уроки для корсиканского народа; посмотрим же, как он должен их использовать. Корсиканский народ сохраняет многие из своих исконных добродетелей, которые намного облегчат ему новое государственное устройство. Он также приобрел в рабстве много пороков, от которых он должен освободиться. Из этих пороков некоторые исчезнут сами собою с исчезновением причины их породившей, для прочих же нужно, чтобы противоположная причина искоренила страсть, их порождающую.

Я ставлю на первое место неукротимый и свирепый нрав, который приписывают корсиканцам. Обвиняют их и в том, что они строптивы: откуда это может быть известно, если ими никогда не управляли по справедливости? Возбуждая их все время друг против друга, следовало бы заметить, что эта вражда оборачивается нередко против тех, которые ее породили.

Я ставлю на второе место склонность к воровству и убийствам, внушившую к корсиканцам всеобщее отвращение. Источник этих двух пороков — лень и безнаказанность. Это вполне понятно, когда речь идет о первом из них, и это легко доказать, когда речь идет о втором: семейные распри и мстительные замыслы, которые беспрестанно занимали их умы, рождаются в праздных беседах, принимают определенную форму в мрачных размышлениях и без труда приводятся в исполнение, раз есть уверенность в безнаказанности.

Кто не проникся бы ужасом и отвращением к варварскому Правительству, которое при виде того, как эти несчастные убивают друг друга, не щадило никаких усилий, чтобы их к тому побуждать снова и снова? Убийство не было наказуемо; что я говорю? оно вознаграждалось; цена крови была одним из доходов Республики. Нужно было, чтобы несчастные корсиканцы, дабы избежать полного взаимного уничтожения, данью выкупали себе, как милость, право не носить оружия²³.

Пусть корсиканцы, приученные к трудовой жизни, расстанутся с привычкою бродить по острову как бандиты; пусть их занятия спокойные и простые держат их в кругу своей семьи; пусть эти занятия оставляют им мало выгод, которые они могли бы между собою оспаривать! Пусть их труд легко доставляет им средства существования, им и их семьям! Пусть те, у которых есть все необходимое для жизни не будут, кроме того, обязаны иметь деньги в звонкой монете: либо для того, чтобы платить оброк и прочие подати, либо для того, чтобы удовлетворять свои прихоти и стремление к роскоши, которая, нисколько не содействуя благополучию того, кто ею похваляется, лишь возбуждает зависть и ненависть остальных!

Легко видеть, как система, которую мы избираем, несет с собой все эти преимущества; но этого недостаточно. Дело идет о том, чтобы приучить народ к этой системе, чтобы заставить его полюбить то занятие, которое мы ему хотим дать, определить этим занятием свои удовольствия, желания, вкусы, превратить его в счастье всей жизни и им ограничить свои честолюбивые замыслы.

Генуэзцы хващаются, что они способствовали развитию на острове сельского хозяйства; корсиканцы, кажется с этим соглашаются. Я же с этим не соглашусь; они не преуспели, а это доказывает, что то была попытка с негодными средствами. Поступая так, Республика не ставила себе задачей увеличение числа жителей острова, поскольку она открыто покровительствовала убийствам; Республика не ставила себе задачей и обеспечить корсиканцам жизнь в довольстве, потому что она разоряла их поборами; она не ставила себе задачей даже облегчение взимания податей, потому что она взимала пошлины за продажу и перевозку различных видов продовольствия и запрещала их вывоз. Она имела своею целью, напротив, сделать те же самые подати, которые она не решалась увеличить, еще более обременительными; она имела своею целью держать корсиканцев в унижении, привязывая их, так сказать, к их нивам; отвращая их от торговли, от ремесел, от всех доходных промыслов; мешая им возвышаться, получать образование, обогащаться. Она заботилась о том, чтобы все продукты питания скапались по заниженным ценам в силу монопольного права ее чиновников. Она принимала все меры к тому, чтобы выкачивать из острова все деньги, дабы сделать деньги необходимыми на острове и непременно помешать их притоку на остров. Никакая тирания не смогла бы употребить уловки более утонченной; делая вид, что

поощряет земледелие, она истощала нацию до предела; она хотела превратить ее в толпу презренных крестьян, живущих в самой жалкой нищете.

Что из всего этого получилось? Корсиканцы, потеряв веру в себя, оставили работу, которая уже не давала им никакой надежды; они предпочитали ничего не делать, чем трудиться себе в убыток. Жизнь трудовая и простая уступила место лени, безделию, всякого рода порокам: кражи доставляла им деньги, в которых они нуждались, чтобы платить оброк, и которых они никак не могли получить от продажи плодов своего труда; они покидали свои чоля, чтобы идти трудиться на большие дороги.

* * *

Я не вижу никаких других более быстрых и более надежных средств, чтобы восстановить положение, кроме как два следующие: привязать, так сказать, людей к земле, чтобы они получали от нее свои права и свои отличия; и другое средство — укрепить эту связь семейными узами, сделав ее необходимою для отцовского состояния.

Я думаю, что, опирая основной Закон на вытекающие из природы вещей различия в состояниях, корсиканскую нацию можно разделить на три класса, неравенство которых, оставаясь неизменно личным, могло бы успешно заменить неравенство, связанное с происхождением или с местом жительства, неизбежное следствие системы привилегий феодальных и городских, нами уничтожаемой. Первым классом будет класс *граждан*; вторым — класс *патриотов*; третьим — класс *соискателей*. Ниже будет указано, какие основания дадут право быть записанным в каждый из этих классов и какими привилегиями можно будет пользоваться в каждом из них.

Это разделение по классам не должно производиться посредством переписи или подсчета одновременно с установлением нового государственного устройства, а должно устанавливаться последовательно, само собою, в ходе дальнейшего развития.

Первым актом проектируемого установления должно быть принесение торжественной клятвы всеми корсиканцами в возрасте от двадцати лет; и все те, кто принесут такую клятву, все без изъятия должны быть записаны в число граждан. Весьма справедливо, чтобы все эти доблестные мужи, освободившие нацию ценою своей крови, обладали всеми этими преимуществами, и чтобы они, в первую очередь, и воспользовались свободою, которую завоевали.

Но, начиная со дня основания союза и торжественного принесения клятвы, все те, рожденные на острове, кто еще не достиг этого возраста, останутся в классе соискателей до тех пор, пока при следующих условиях они не смогут подняться до обоих других классов.

Всякий соискатель, вступивший в законный брак и владеющий каким-ни-

будь наделом, независимо от приданого его жены, будет записан в класс патриотов.

Всякий патриот, женатый или овдовевший, у которого будут двое детей, собственное жилище и земельный надел, достаточный для его прокормления, будет записан в класс граждан.

Этот первый шаг достаточен для того, чтобы придать важное значение владению землей, но недостаточен для того, чтобы ее должным образом возделывать, если не будет устранена необходимость в деньгах, которая и была причиной бедности острова при генуэзском Правлении. Надо считать непреложным тот принцип, что повсюду, где деньги — предмет первой необходимости, нация отворачивается от сельского хозяйства, чтобы заняться более доходными ремеслами; земледелие превращается тогда либо в предмет торговли и подобие производства для крупных арендаторов, либо в последнее спасение от нищеты для массы крестьян. Те, кто обогащается от торговли и промышленности, помещают, когда они достаточно наживутся, свои деньги в земельные участки, которые возделывают для них другие; вся нация оказывается, таким образом, разделеною на богатых бездельников, владеющих землею, и на нищих крестьян, которым не на что жить, хотя они эту землю обрабатывают.

Чем больше деньги нужны частным лицам, тем больше нужны они Правительству; откуда следует, — чем больше процветает торговля, тем выше налоги; и для того, чтобы платить эти налоги, не имеет значения, что крестьянин обрабатывает свой участок земли, если он не продает ее продукты. Неважно, что у него есть хлеб, вино, растительное масло; ему обязательно нужны деньги, нужно, чтобы он всегда и всюду нес съестное в город; чтобы он превратился в мелкого торговца, в мелкого продавца, в мелкого мошенника. Его дети, воспитанные в обстановке разврата посредничества, привыкают к городской обстановке и теряют вкус к своему положению; они охотнее превращаются в матросов или солдат, чем наследуют занятие своих отцов. Вскоре деревня лишается населения, а город начинает кишеть бродягами; малопомалу хлеба начинает нехватать, народная нищета увеличивается по мере увеличения богатства отдельных лиц; и первая, и второе вместе ведут за собою все пороки, которые в конце концов приводят к гибели нации.

Я столь уверенно считаю всякую торговую систему разрушительною для сельского хозяйства, что не исключаю отсюда даже торговлю съестными припасами, которые суть продукт сельского хозяйства. Для того чтобы сельское хозяйство могло продержаться при этой системе, нужно, чтобы прибыль можно было разделить поровну между торговцем и земледельцем. Но это-то и невозможно; потому что первый по своему желанию занимается торговлей, второй же — к этому занятию вынуждается, и в силу этого первый будет всегда диктовать свои условия второму: это отношение, нарушающее равновесие, не может создать положения прочного и устойчивого.

Не следует представлять себе, что остров станет богаче, когда у него будет больше денег. Это будет верно по отношению к другим народам и при внешних сношениях; но сама по себе нация не богаче и не беднее, когда она имеет больше или меньше денег; или,— и это, в конечном счете, одно и тоже,— в зависимости от того, быстро или медленно обращается внутри нации то же количество денег. Мало того, что деньги — это только знак; но, к тому же,— это знак относительный, который получает подлинное значение только в результате неравномерного его распределения. Ибо, если предположить, что на острове Корсика каждый человек имеет лишь десять экю, либо же, что он имеет сто тысяч экю, то соотношение состояний всех будет в обоих случаях совершенно одинаковым; люди в результате не богаче и не беднее по отношению друг к другу; и единственное различие состоит в том, что при этом втором предположении торговые отношения будут более затруднены. Если бы Корсика нуждалась в чужестранцах, то она нуждалась бы в деньгах; но так как она может удовлетворить сама себя, то она в чужестранцах не нуждается; и так как деньги полезны лишь как знак неравенства, то чем меньше будет их обращаться на острове, тем вернее будет достигнуто там настоящее изобилие. Нужно посмотреть, нельзя ли все то, что делается с помощью денег, делать без помощи денег; и предположив, что это возможно, нужно сравнить оба способа в применении к нашему предмету.

Факты доказывают, что земля на острове Корсика, даже в состоянии целины или полного истощения, в котором она находится, дает достаточно для пропитания его жителей; известно ведь, что в течение тридцати шести военных лет, когда они больше орудовали оружием, чем плугом, к ним не заходил ни один корабль, который привез бы им какие-либо продукты или съестные припасы для удовлетворения их нужд; у этого острова есть все, что ему нужно, и, помимо съестных припасов, все для того, чтобы привести его жителей к процветанию и чтобы это процветание поддерживать, ничего не ввозя извне. У него есть шерсть для тканей, пенька и лен для полотна и канатов, кожи для обуви, строевой лес для морских кораблей, железо для кузниц, медь для предметов домашнего обихода и для мелкой монеты. У него есть соль для собственного употребления; у него будет больше соли, чем ему нужно, при восстановлении соляных коней Алларии, которые генуэзцы с таким трудом и с такими затратами приводили в состояние разорения и которые назло им дают все же еще соль. Корсиканцы, если бы они того захотели, могли бы не вести внешней торговли, разве только если они пожелают покупать то, что не является необходимым; таким образом, деньги, даже в подобном случае, не были бы им нужны для торговли, потому что они были бы единственным товаром, который им нужен. Отсюда следует, что для сношений с другими нациями Корсика не нуждается в деньгах.

Внутри остров достаточно велик и изрезан горами; его большие и многочисленные реки мало судоходны; его части не имеют между собою естествен-

ных сообщений; но различие производимых в этих частях продуктов держит их во взаимной зависимости, поскольку они всегда нуждаются друг в друге. Провинция Капо Корсо, которая не производит почти ничего, кроме вина, нуждается в хлебе и растительном масле, которые ей поставляет провинция Баланья. Провинция Корте, расположенная на возвышенности, равным образом дает зерно и не имеет всего остального. Провинция Бонифацио, расположенная на берегу болота и у другой оконечности острова, нуждается во всем и не производит ничего. Проект равномерного заселения требует, таким образом, постоянного оборота продуктов питания, легкости расчетов между одним каким-нибудь судебным округом и остальными и, следовательно, внутренней торговли.

Это так, но по этому поводу я могу сделать два замечания: первое — при содействии Государства эта торговля может большей частью производиться путем обмена; второе — при том же содействии и как естественный результат наших установлений эта торговля и эти обмены должны изо дня в день уменьшаться и свестись в конце концов к чему-то весьма незначительному.

Известно, что при том разорении, которое принесли на Корсику генуэзцы, деньги, которые все время только вывозили и не ввозили вовсе, стали в конце концов такою редкостью, что в некоторых округах острова уже не знали, что такое монета; там и продажа и покупка производились только путем обмена.

Корсиканцы в своих меморандумах приводили этот факт как одну из своих обид; они были правы, потому что деньги были нужны для уплаты податей, и из-за этого бедных людей, у которых денег уже не было, хватали и описывали их вещи, лишая самых необходимых орудий, скарба, одежды, их жалких лохмотьев, которые нужно было перевозить из одного места в другое и от которых при продаже нельзя было выручить и десятой части их стоимости; так что, не имея денег, они платили налог в десять раз больший.

Но так как при нашей системе никто не будет вынужден платить подать деньгами, то отсутствие денег, не будучи признаком нищеты, не послужит и к тому, чтобы нищету увеличить; обмены можно будет производить натурою и без посредствующих ценностей, и можно будет жить в довольстве, никогда не держа в руках ни одного су.

Я знаю, что при генуэзских правителях, которые запрещали и затрудняли тысячу способов вывоз продуктов питания из одной провинции в другую, коммуны создавали склады зерна, вин, растительного масла в ожидании времени благоприятного и дозволенного для вывоза, и что наличие этих складов служило генуэзским чиновникам предлогом для множества отвратительных монополий. Мысль о таких складах не является, таким образом, новою, и поэтому ее легче было бы осуществить; это дало бы для обмена средство простое и удобное для нации и для отдельных лиц, и оно не повлекло бы за собою такие неудобства, которые сделали бы его обременительным для народа.

Но даже если не создавать настоящие склады или хранилища, можно было бы установить в каждом приходе или же в каждом главном городе провинции общественный реестр по двойной системе ведения счетов, в которой частные лица записывали бы каждый год, с одной стороны, тот вид и то количество продуктов питания, которые у них в избытке, а с другой стороны — те продукты, которых им не достает. По балансу и сопоставлению этих реестров, которые велись бы в каждой провинции, можно было бы так определить цену продуктов и меру вывоза, что каждый приход обеспечивал бы потребление своих излишков и приобретение того, что ему нужно, так что не было бы ни недостатка, ни избытка в количестве необходимого и все это делалось бы столь удобным образом, как если бы сам урожай соразмерялся с нуждами каждого прихода.

Эти операции могут производиться самым точным образом и без денег, как таковых: либо путем обмена натурою, либо с помощью каких-нибудь простых идеальных счетных монет, которые служили бы мерилом для сравнения ценностей, как, например, пистоли во Франции²⁴; либо на основе каких-нибудь вещественных ценностей, которые поддаются количественному сравнению и могут быть применены в качестве денег: у греков это был бык, у римлян — овца. Тогда, впрочем, один бык может стоить больше или меньше, чем другой бык, а одна овца — больше или меньше другой овцы: эти расхождения заставляют нас отдать предпочтение идеальным деньгам, потому что они всегда имеют точно определенную ценность, поскольку речь идет об отвлеченном соотношении.

Пока вы будете соблюдать эти правила, равновесие в торговле будет сохраняться; и обмены, которые будут определяться только относительным изобилием или недостатком продуктов и большей или меньшей легкостью перевозки, будут также взаимно уравновешиваться; и производство всех продуктов острова при равном их распределении само собою станет соразмерно с уровнем населения. Добавлю, что общественное управление сможет без труда направлять эти торговые сделки, эти обмены, уравновешивать их, устанавливать их размеры, осуществлять их распределение; потому что до тех пор, пока они будут совершаться в натуре, общественные чиновники не смогут этим злоупотреблять, и у них не будет даже такого искушения. Тогда как превращение продуктов в деньги открывает возможности для всяческого лихоимства, для всяких монополий, для всяких мошенничеств, обычных для должностных лиц в подобном случае.

Следует ожидать многих затруднений вначале; но эти затруднения неизбежны при установлении всякого нового внутреннего устройства, которое противоречит существующему обыкновению. Добавлю, к этому, что новое управление, однажды установленное, с каждым годом будет все более упрощаться — не только потому, что практика позволит накопить некоторый опыт в этом деле; но и потому, что в результате установления этого нового внут-

ренного устройства будет непрерывно и неуклонно уменьшаться число торговых сделок, пока это число не сведется к наименьшему из возможных: и это — конечная цель, которую должно перед собою поставить.

Нужно, чтобы все имели средства к существованию и чтобы никто не обогащался; вот основной принцип продвигания нации; и то внутреннее устройство, которое я предлагаю, со своей стороны, ведет к этой цели столь прямо, насколько возможно. Продукты не первой необходимости, которые не являются предметом торговли и не продаются за деньги, будут производиться лишь в соответствии с потребностью в необходимом; и всякий, кто сможет получить немедленно те продукты, которых у него нет, не будет иметь никакой выгода в том, чтобы иметь этих продуктов слишком много.

Как только произведения земли перестанут быть товаром, их выращивание мало-помалу соразмерится в каждой провинции и даже в каждом наследственном владении с общими потребностями этой провинции и частными потребностями земледельцев. Каждый будет стараться, обрабатывая свое поле, получить все, что ему необходимо, натурально, а не путем обмена, который всегда будет менее надежен и менее удобен насколько бы он ни был упрощен.

Это большое преимущество, безусловно, если можно сеять на каждом участке земли то, что этот участок лучше всего производит; при такой системе размещения культур страна дает больше продуктов и притом с большей легкостью, чем при любой другой. Но это соображение, при всей его важности, имеет лишь второстепенное значение. Лучше, чтобы жители были хорошо расселены. Судя по общему развитию торговли и обменов, невозможно, чтобы разрушительные пороки не проникали в нацию. Различие в качестве участков при их выборе может быть возмещено трудом, и лучше плохо использовать поля, чем людей. Впрочем, всякий земледелец может и должен сделать этот выбор на своих землях, а каждый приход или община — на своих общинных землях, как об этом говорится ниже.

Вы будете опасаться, я это чувствуя, как бы такая экономическая система не произвела действия противоположного тому, которого я от нее ожидаю; как бы она не отвратила людей от земледелия вместо того, чтобы к нему побуждать; как бы поселенцы, не получая никаких денег за свои продукты, не забросили свою работу; может случиться, что они будут ограничиваться тем, что нужно им для пропитания, и, не гонясь за изобилием и довольствуясь тем, что будут получать все для них безусловно необходимое, оставят невозделанной делиной всю остальную часть своих земель²⁵. Будут, пожалуй, ссылаться на опыт генуэзского Управления, при котором запрещение вывозить продукты питания за пределы острова приводило именно к такого рода результатам.

Но следует учитывать, что при этом управлении деньги, будучи предметом первой необходимости, составляли непосредственную цель труда: следо-

вательно, всякий труд, который не мог принести денег, неизбежно оказывался в пренебрежении; земледелец, угнетенный всевозможными унижениями, притеснениями, несчастьями, считал свою судьбу самой плачевной; видя, что он не может найти в этом своем состоянии богатства, он искал какого-либо другого занятия или падал духом. Здесь же внутреннее устройство в самой своей основе направлено к тому, чтобы сделать это состояние счастливым при всей его незначительности, уважаемым при всей его простоте. Обеспечивая удовлетворение всех жизненных потребностей, доставляя все средства приобрести уважение, средства уплаты всех общественных податей, без продажи и торговли, такое внутреннее устройство делает невозможной даже мысль о каком-либо ином, превосходящем его. Те, кто будут пребывать в этом состоянии, не видя ничего, что стояло бы выше их, будут этим своим состоянием гордиться; пролагая себе, таким образом, путь к более высоким должностям, они будут нести труды, связанные с этим положением, так же, как первые римляне. Не будучи в силах выйти из этого состояния, люди захотят в нем отличаться, захотят нести связанные с ним труды лучше, чем другие люди: собирать большие урожаи, поставлять большую долю Государству, заслужить на выборах признание народа. Многочисленные семейства будут хорошо питаться, хорошо одеваться и воздадут за это честь правителям; и так как единственный смысл роскоши — в действительном изобилии, то каждый захочет отличаться такой роскошью. Пока сердце человеческое будет тем, что оно есть, подобные установления не будут приводить к нерадивости.

То, что отдельные магистраты и отцы семейств должны делать в каждом судебном округе, в каждом приходе, в каждом наследственном владении, чтобы не нуждаться в других, то должно делать Правительство всего острова, чтобы не испытывать нужды в соседних народах.

Точный реестр товаров, которые поступили на остров в течение определенного ряда лет, даст надежные и верные сведения о тех, без которых нельзя обойтись; ибо только при настоящем положении вещей в таком реестре могут оказаться предметы роскоши и то, что излишне. В результате тщательных наблюдений как над тем, что остров производит, так и над тем, что он может производить, мы обнаружим, что потребность в товарах чужеземного происхождения сводится к весьма небольшому числу вещей, и это полностью подтверждается фактами, потому что в годах 1735 и 1736, когда остров, блокированный генуэзским флотом, не имел никакого сообщения с материком, он не только не испытывал никакой нехватки в продовольствии, но и вообще не знал никаких невыносимых лишений. Всего ощущимее был недостаток военных припасов, кож, хлопчатой бумаги для фитилей; впрочем, эту последнюю заменили сердцевиною некоторых видов тростника.

Из этого небольшого числа необходимых завозных товаров нужно исключить еще и то, чего остров не производит сейчас, но что он может производить, когда будет лучше обработан и оживотворен, благодаря промышленно-

сти. Чем больше надлежит изгонять искусства бесполезные, художества, услаждающие и изнеживающие, тем больше следует поощрять ремесла, которые полезны для сельского хозяйства и выгодны для человеческой жизни. Нам не нужны ни резчики по дереву, ни золотых дел мастера, но нам нужны плотники и кузнецы; нам нужны ткачи, хорошие суконщики, а не вышивальщики и волочильщики золота.

Следует прежде всего обеспечить себя наиболее необходимым сырьем, а именно: деревом, железом, шерстью, кожей, пенькою и льном. Остров изобиловал лесом как строительным, так и для отопления; но не следует полагаться на это изобилие и оставлять использование и вырубку лесов единственно на усмотрение владельцев. По мере того, как население острова будет расти, и число расчищенных участков увеличится, леса будут быстро истребляться, а восполнить то, что уничтожено, можно будет лишь очень медленно.

Швейцария была некогда покрыта лесами в таком изобилии, что испытывала от этого неудобства; но, как ради умножения пастбищ, так и для создания мануфактур, они были вырублены без меры и без порядка; и теперь вместо этих необозримых лесов видны лишь почти голые скалы. По счастью, наученные печальным примером Франции, швейцарцы увидели опасность и приняли меры к упорядочению вырубки, насколько это от них зависело. Остается еще только решить, не слишком ли запоздали их предосторожности, ибо, если, несмотря на все это, количество лесов в Швейцарии с каждым днем уменьшается, то ясно, что эти леса должны в конце концов исчезнуть.

Корсика, которая взялась бы за упорядочение и ограничение вырубок значительно ранее, не пришлось бы этого опасаться; нужно заблаговременно создать строжайшее управление лесами и этим так соразмерить вырубки, чтобы прирост равнялся потреблению. Не следует поступать так, как во Франции, где смотрители вод и лесов, имея право срубить одно дерево, находят для себя выгодным уничтожить все; они, к тому же, делают это весьма старательно. Следует глядеть в далёкое будущее: хотя и несвоевременно сейчас создавать флот, но наступит время, когда его должны будут создать; и тогда вы почувствуете выгоду того, что вы не отдали для постройки чужих флотов прекрасные леса, расположенные вблизи от моря. Надлежит вырубать или продавать деревья старые и уже бесполезные; но следует оставить все те деревья, которые полны сил; они найдут применение в свое время.

Говорят, на острове нашли залежи меди — это хорошо; но еще ценнее залежи железа. Они конечно же есть на острове: положение его, горы, природа почвы, теплые минеральные воды в провинции Капо Корсо и в других местах — все это склоняет меня к мысли, что много таких залежей будет найдено, если хорошо искать и если использовать для этих поисков людей сведущих. Если это так, то разработку этих залежей следует дозволять не всюду; надо выбрать месторождения наиболее богатые, наиболее близкие к

лесам и рекам, чтобы устроить плавильни, и чтобы оттуда можно было провести пути, наиболее удобные для перевозки.

Такое же внимание надлежит уделить всякого рода мануфактурам, каждой из них по принадлежности, дабы сколь можно более облегчить труд и его распределение. Следует, однако, остерегаться создавать такого рода заведения в наиболее населенных и наиболее плодородных частях острова. На против, при всех прочих равных условиях, следует избирать участки самые бесплодные, такие, которые, не будь они заселены благодаря развитию промышленности, остались бы безлюдными. Вследствие этого будет несколько больше затруднений в снабжении необходимыми припасами; но те преимущества, которые будут этим достигнуты, и те неудобства, которых можно будет избежать, должны, безусловно, взять верх над этим соображением.

Прежде всего мы следуем здесь нашему великому и главному принципу, который состоит в том, чтобы не только расселять и умножать население, но и в том, чтобы сделать заселение острова равномерным настолько, насколько это возможно. Ибо если бы бесплодные места не были заселены для развития промышленности, они остались бы безлюдными; а это означало бы потерю этого количества земли для возможного увеличения численности нации.

Если бы подобные заведения были созданы в местах плодородных, то обилие продуктов питания и прибыль от труда, неизбежно большая в промыслах, чем в сельском хозяйстве, отвращали бы землепашцев или их семьи от сельских работ и, незаметно лишая деревню населения, вынуждали бы привлекать из отдаленных мест новых поселенцев, чтобы обрабатывать землю. Таким образом, перенаселяя некоторые места нашей территории, мы лишили бы населения другие места и, нарушив таким образом равновесие, пошли бы прямо против духа наших установлений.

Перевозка продуктов питания, повышая их стоимость на фабриках, тем самым уменьшит доход рабочих, и, приближая их состояние к состоянию земледельца, будет лучше поддерживать равновесие между ними. Это равновесие не может, однако, не быть таким, чтобы преимущество не оставалось все же за промышленностью, то ли потому, что деньги, которые имеются в Государстве, вкладываются в промышленность в избытке, то ли из-за силы богатства, которое проявляется в могуществе и неравенстве, то ли потому, что большее число людей, собранных вместе, обладает большей силой, и этих людей властолюбцы умеют собрать в целях своей выгоды. Весьма важно, поэтому, чтобы эта часть людей, которая оказывается в наиболее благоприятном положении, оставалась в зависимости от остальной части нации в отношении средств существования; и в случае возникновения внутренних раздоров в народе, по природе нашего устройства именно поселянин будет диктовать свои условия рабочему.

Приняв эти предосторожности, можно без опасения поощрять на острове введение полезных ремесел; и вряд ли эти заведения при хорошем управле-

нии не смогут обеспечить необходимое всем, не исключат необходимость привоза извне чего бы то ни было, кроме разве что нескольких пустяков, для ввоза которых следует разрешить соответствующий вывоз, постоянно тщательно уравновешиваемый со ввозом под наблюдением чиновников управления.

До сих пор я говорил о том, как корсиканский народ может существовать в довольстве и независимости при наличии весьма незначительной торговли; как большая часть той незначительной торговли, которая ему необходима, может с легкостью совершаться путем обмена; и как этот народ может свести почти на нет необходимость ввоза извне. Отсюда видно, что если применение денег и разменной монеты не может быть полностью прекращено в делах частных лиц, то применение этих денег можно, по меньшей мере, свести к столь малому, что почти исчезнет почва для злоупотреблений; что таким путем нельзя будет нажить большие состояния — если все же этим путем и можно было бы такие состояния наживать, то они были бы почти что бесполезны и принесли бы мало выгоды их владельцам.

Ну, а общественные финансы, как мы будем управлять ими? Какие доходы ассигнуем на управление? Сделаем ли его бесплатным? Как будем покрывать расходы на его содержание? Вот это и нужно нам сейчас рассмотреть.

Финансовые системы — это изобретения новых времен: слово «финансы» было известно древним не более, чем такие слова, как «оброк» и «плодущее». Слово *vectigal** понималось в ином смысле, как об этом будет сказано ниже. Суверен облагал податями народы завоеванные или побежденные и никогда не облагал податями своих собственных подданных, особенно в Республиках. Не народ Афин облагался налогом, напротив,— ему еще платило Правительство; а Рим, которому его войны должны были стоить так дорого, часто раздавал народу зерно и даже земли. И Государство все же существовало, содержало огромные армии на море и на суше, осуществляло очень крупные общественные работы, тратило, по крайней мере, столько же, сколько тратят, пропорционально, современные Государства. Как же это делалось?

Надо различать в жизни Государств две эпохи: становление и рост. При становлении Государства, оно не имело другого источника дохода, кроме общественного домена, и этот домен был значителен. Ромул сделал общественным доменом одну треть всех земель; вторую треть он выделил на содержание жрецов и предметов культа; лишь третья разделялась между гражданами. Это было немного, но оно было свободно от уплаты податей. Вы полагаете, что французский землевладелец не удовольствовался бы охотно даже одною третью того, что он обрабатывает, при том условии, что эту треть он имел бы свободной от всякой таллии, всякой дорожной повинности, от всякой десятины, если бы он не платил никаких налогов?

* Подать, налог (лат.).

Таким образом общественный доход собирался не в виде денег, а в виде продуктов питания и других продуктов. Расходы были такого же рода, что и доход. Ни магistrатам, ни войскам не платили денег: их кормили, их снабжали одеждой; и, в случаях настоятельной необходимости, чрезвычайные повинности народа заключались в обязанности выполнять определенные работы, а не в обязательной уплате денег. Трудоемкие эти работы почти ничего не стоили Государству: то было делом его грозных легионов, которые трудились так же, как сражались, и которые состояли не из черни, а из граждан.

Когда римляне начали расширять пределы своего Государства и стали завоевателями, они начали собирать с побежденных народов средства для содержания своих войск; когда они платили своим войскам, то для этого налогами облагались подданные, но никогда неримляне. Когда же Государству грозила опасность, то и Сенат облагал себя; он делал займы, которые аккуратно погашал; и за все время, пока существовала Республика, я не знаю случая, чтобы римский народ когда-либо платил денежную подать, ни поголовную, ни с земель.

Корсиканцы! Вот вам прекрасный образец! Не удивляйтесь, что у римлян было больше добродетелей, чем у других народов: деньги там были менее необходимы, у Государства были малые доходы, а оно свершало большие дела. Его сокровищницей были руки граждан. Я мог бы сказать, что, судя по положению Корсики и по форме ее Правления, в мире не будет никакого другого Государства, содержание которого стоило бы дешевле; потому что, будучи островом и Республикой, она нисколько не будет нуждаться в регулярных войсках и потому что правители Государства, поскольку они все возвращаются потом в состояние граждан, которые все равны, не смогут получить от общего достояния ничего такого, что не стало бы опять общим достоянием через очень небольшой срок.

Но не в этом вижу я первые силы общественной. Напротив, я хочу, чтобы много тратили на служение Государству; спор идет лишь, чтобы сказать точнее, о выборе платежных средств. Для меня финансы в Политическом организме — это жир, который, проникая в определенные мышечные ткани, отягачает тело ненужной тучностью и делает его скорее тяжелым, нежели сильным. Я хочу напитать Государство пищей более полезной, которая сама соединялась бы с тем, что она питает; которая могла бы превратиться в сухожилия, в мышцы, не закупоривая сосудов, которая придавала бы членам силу, а не толщину, и укрепила бы тело, не отяжеляя его.

Меньше всего желая, чтобы Государство было бедным, я хотел бы, напротив, чтобы у него было все и чтобы доля каждого в общих благах была пропорциональна его служению. Приобретение всего добра египтян в казну фараона, проведенное Иосифом, было бы благом, если бы он не сделал чересчур много или недостаточно. Но, не вдаваясь в ненужные рассуждения, которые только отдалили бы меня от моей задачи, достаточно разъяснить здесь

мою мысль: дело не в том, что нужно совершенно уничтожить собственность частных лиц, потому что это невозможно, но в том, чтобы заключить ее в более тесные пределы, дать ей меру, принципы, узду, которая бы ее сдерживала, направляла, ограничивала ее рост и которая бы держала ее всегда в подчинении по отношению к общественному достоянию. Я хочу, одним словом, чтобы право собственности Государства было сколь возможно большим и сколь возможно незыблемым, а право собственности граждан сколь возможно малым и непрочным. Вот почему я стараюсь избежать того, чтобы собственность заключалась в такого рода вещах, обладание которыми является безраздельным,— как это имеет место, например, в отношении звонкой монеты и денежных знаков,— которые легко скрыть от надзора общественного.

Учреждение общественного домена²⁶ не есть, я с этим согласен, дело столь же легкое сегодня на Корсике, уже разделенной между ее жителями, каким оно было в нарождающемся Риме до того, как завоеванная им территория принадлежала кому бы то ни было. Между тем я знаю, что на острове есть много прекрасных целинных земель, которые Правительство легко может использовать, либо отчуждая их на определенное число лет тем, кто их обрабатывает, либо же заставляя в виде особой повинности обрабатывать целину в каждой общине. Нужно было бы побывать на месте, чтобы судить о том, как можно распределить эти земли и как их можно использовать; но я никак не сомневаюсь, что при помощи некоторых обменов и некоторых несложных упорядочений можно будет в каждом судебном округе и даже в каждом приходе выделить земли домена, которые могут даже увеличиться через несколько лет тем путем, о котором будет сказано в законе о наследовании.

Другое средство, еще более легкое, и которое должно дать доход более чистый, более надежный и гораздо более значительный, состоит в том, чтобы следовать находящемуся у меня перед глазами примеру протестантских Кантонов. Во время реформации в этих Кантонах протестанты завладели церковными десятинами; а эти десятины, на которые они пристойно содержат свое духовенство, составляли главный доход Государства. Я не говорю, что корсики должны посягать на доходы церкви: боже сохрани! Но я полагаю, что для народа не будет большим притеснением, когда Государство потребует от него столько же, сколько требует от него духовенство, имеющее уже достаточный доход от земельных наделов. Сумма этого налога будет собираться без труда, без затруднений и почти что без затрат, потому что нужно будет лишь удвоить церковную десятину и забрать половину ее.

Я извлекаю еще один вид дохода, самый надежный и наилучший, из самих людей, используя их труд, руки и сердца, а не их кошельки, на службу отечеству: либо для защиты отечества, в ополчениях; либо для его повседневных нужд, при помощи повинностей, на общественных работах.

Пусть это слово — «повинность» не пугает республиканцев! Я знаю, что во Франции повинности ненавидят; но разве ненавидят их в Швейцарии?

Дороги там проводят в порядке выполнения повинностей и никто на это не жалуется. Видимое удобство оплаты может соблазнить лишь умы поверхностные — а вот правило бесспорное: чем меньше посредствующих звеньев между нуждою и службою, тем менее тягостною должна быть служба.

Не решаясь развить здесь мою мысль полностью, не выдавая повинности и все личные труды граждан за безусловное благо, я соглашусь, если угодно, с тем, что было бы лучше, если бы все делалось за плату, если бы только средства платежа не вызывали множества огромных злоупотреблений и несчастий, еще больших, еще более безграничных, чем те несчастья, которые могут возникнуть из-за такого принуждения; особенно тогда, когда тот, который налагает повинности, относится к тому же разряду, что и те, на кого эти повинности налагаются.

Впрочем, для того, чтобы повинности распределялись поровну, будет справедливо, чтобы тот, кто не имеет никакой земли и потому не может платить десятину с ее продуктов, платил эту десятину трудом своих рук; таким образом, повинности должны падать по преимуществу на класс соискателей. Но граждане и патриоты должны водить их на работу и сами показывать им пример того, как надо трудиться. Пусть все, что делается для общего блага, будет всегда почетным! Пусть даже магистрат, занятый иными заботами, покажет, что эти труды не ниже его достоинства, как те римские Консулы, которые, дабы подать пример своим войскам, сами первыми принимались за работы по разбивке лагеря.

Что до штрафов и конфискаций, которые составляют в Республиках четвертый род доходов, то я надеюсь, что при установлении настоящего внутреннего устройства нашей Республики, этот род доходов будет в ней равен почти нулю, и поэтому я его даже не беру в расчет.

Поскольку все эти общественные доходы, по самой природе вещей, должны поступать натурою, а не в виде денег, то представляется затруднительным собирать их, хранить и использовать; и это отчасти верно. Но здесь речь идет об управлении не наименее легком, а наименее здоровом; и предпочтительнее, чтобы оно вызывало несколько больше затруднений, но зато порождало меньше злоупотреблений. Наилучшая экономическая система для Корсики и для всякой Республики, безусловно, не является лучшей для монархии и для всякого крупного Государства. Система, которую я предлагаю, не имела бы успеха ни во Франции, ни в Англии и не могла бы даже там утвердиться; но она имеет наибольший успех в Швейцарии, где уже много веков тому назад она утвердилась, и это — единственная система, которая оказалась Швейцарии под силу.

Право сбора доходов в каждом судебном округе отдают на откуп; эти доходы выплачиваются натурою или деньгами по выбору тех, кто платит сборы; магистратам и чиновникам, большую частью, также платят хлебом, вином, фурражом, дровами. Таким образом, сбор доходов не бывает ни затруднитель-

ным для всего общества, ни обременительным для частных лиц; но вот — неудобство, которое я вижу в таком способе: при нем есть люди, чьим ремеслом является зарабатывать на государе и притеснять его подданных.

Крайне важно, чтобы Республика не терпела в своем составе ни одного финансиста по его положению в обществе; и не столько из-за бесчестных заработков этих людей, сколько потому, что они являются собою самый пагубный пример.

Примеру этому скоро начинают следовать многие; почет, приносимый недозволенным избытком, его выгоды и преимущества убивают в народе все добрые чувства и порождают презрение к бескорыстии, простоте правов и ко всем добродетелям, над которыми даже глумятся.

Остережемся же увеличивать сокровищницу денежную за счет сокровищницы духовной: именно эта последняя действительно отдает нам во власть людей и всю их силу, тогда как при помощи первой приобретается лишь видимость услуг, но не покупается воля. Предпочтительнее, чтобы управление фиском находилось в руках какого-нибудь отца семейства и чтобы мы при этом потеряли кое-что, чем если мы получим больше, а управление фиском будет находиться в руках ростовщика.

Оставим же сбор доходов в руках государственного управления, хотя бы это и принесло много меньше. Не допустим, чтобы и это управление доходами стало профессией; ибо это имело бы почти те же дурные последствия, что и при отдаче сбора доходов на откуп. То, что делает финансовую систему наиболее вредною,— это профессия финансиста. Ни за какую цену не следует допускать существования откупщиков в Государстве. Вместо того, чтобы превратить получение сборов и общественных доходов в занятие, дающее наживу, следует превратить это в испытание достоинств и неподкупности молодых граждан; нужно, чтобы это управление сборами превратилось в испытательный срок для новичков на общественных должностях и в первый шаг к достижению магistratуры. Эта мысль подсказана мне была сравнением управления парижскою Городскою больницею, о растратах и кражах в которой известно каждому, с управлением Городской больницей в Лионе, которое является пример порядка и бескорыстия и, быть может, не имеет себе равного на земле. Что, лионцы, сами по себе, лучше парижан? Нет, но в Лионе эта административная должность является временною. Нужно сначала хорошо справиться с этюю должностью, чтобы иметь возможность стать эшевеном и купеческим старшиной²⁷; тогда как в Париже управители являются таковыми по своему положению пожизненно; они устраиваются наилучшим образом, чтобы извлечь возможно большую выгоду из должности, которая не является для них ни в коей мере испытанием, по службой, наградой, положением в обществе, связанным, так сказать, с другими положениями. Есть определенные должности, доходность которых, как бы по предварительному договору, может быть увеличена за счет права обкрадывать бедных.

И пусть не думают, что этот труд требует больше опыта и познаний, чем их может быть у молодых людей; он требует лишь проворства, которое им в особой степени свойственно; и так как они обычно менее скучны, менее жестоки, чем пожилые люди, при взыскании сборов, и более чувствительны, с одной стороны, к несчастьям бедняка, а, с другой, — весьма заинтересованы в том, чтобы хорошо исполнять должность, которая является для них испытанием, то они ведут себя, занимая эту должность, в точности так, как нужно для дела.

Сборщик податей каждого церковного прихода будет представлять свои счета приходу, сборщик каждого прихода — своему судебному округу, а сборщик каждого судебного округа — Счетной палате, которая будет состоять из определенного числа государственных Советников. Общественная казна будет состоять, таким образом, большою частью из продуктов питания и других продуктов, распределенных по небольшим складам во всей стране, и частично из денег, которые будут внесены в общую кассу после того, как из этих денег будут взяты небольшие суммы на местные расходы.

Так как люди всегда будут вольны платить свою долю деньгами или продуктами питания по особой тарифе, которая будет определяться ежегодно в каждом судебном округе, Правительство, подсчитав однажды, каким должно быть наилучшее соотношение между этими двумя видами сборов, в случае, если это соотношение изменится, сразу же сможет обнаружить это изменение, определить его причину и исправить расчеты.

Вот ключ к нашему политическому управлению: единственная его часть, требующая искусства, расчетов, размышлений. Именно поэтому Счетная палата, которая повсюду в других местах является лишь коллегией во всех отношениях второстепенной, будет здесь в центре всех дел, будет приводить в движение весь аппарат управления и будет состоять из лучших умов в Государстве.

Если сборов в виде продуктов питания окажется слишком много, а сборов в виде денег — недостаточно, это будет знаком того, что и сельское хозяйство и заселение развиваются хорошо, но что полезная промышленность оказывается в пренебрежении; уместно будет несколько ее оживить из опасения, что отдельные люди, становясь таким образом слишком вольными, слишком независимыми, слишком дикими, не будут больше в достаточной мере связанны со своим Правительством.

Но этого нарушения пропорциональности, безошибочного признака процветания, никак не следует опасаться, и его легко можно исправить. Не так будет обстоять дело с другим нарушением противоположного рода, которое, как только оно дает себя чувствовать, уже говорит об очень многом, и его нельзя столь быстро исправить. Ибо когда платящие сборы будут вносить больше денег, нежели продуктов питания, то это будет безусловным знаком того, что налицо слишком большой вывоз за границу; что торговать становит-

ся слишком легко; что наиболее прибыльные ремесла распространяются по острову за счет земледелия; и значит, простота нравов и все добродетели, которые с нею связаны, начинают вырождаться. Злоупотребления, которые вызывает это изменение, указывают на средства, которые нужно использовать, чтобы воспрепятствовать этому. Но применять эти средства следует с большою осмотрительностью, ибо здесь гораздо легче предупредить зло, чем его уничтожить.

Если лишь ввести налоги на предметы роскоши, закрыть свои порты для торговли с заграницею, уничтожить мануфактуры, остановить обращение звонкой монеты, то этим мы только ввергнем народ в леность, нищету, уныние. Мы заставим деньги исчезнуть, не увеличивая количества продовольствия; мы уничтожим силу богатства, не возрождая силу труда. Изменять цену монеты — это опять-таки плохая мера в Республике, во-первых, потому, что тогда все общество само себя обкрадывает, а это вообще ничего не дает; во-вторых, потому, что между количеством знаков и количеством вещей существует соотношение, постоянно устанавливающее их относительную ценность, и потому, что когда государь хочет изменить денежные знаки, он лишь изменяет названия, ибо ценность вещей неизбежно изменяется в том же отношении. У королей это означает совсем другое; и когда государь поднимает курс монеты, он получает от этого выгоду, так как обкрадывает своих кредиторов. Однако, если только эта операция повторяется, то выгода уравновешивается и сводится к нулю, так как тем самым утрачивается общественное доверие.

Установите в таком случае законы против роскоши, но сделайте их более всего строгими для первых людей в Государстве и ослабляйте их строгость для более низких степеней; сделайте так, чтобы можно было хвалиться простою своего обихода и чтобы богач не знал, какой почет приносят деньги. И это вовсе не беспредметные рассуждения: именно таким образом венецианцы даруют лишь своим знатным людям право носить падуанское черное грубое сукно, чтобы лучшие жители города считали за честь обладать подобным преимуществом.

Когда существует простота в нравах, аграрные законы необходимы, потому что тогда богатый, не имея возможности помещать свои богатства вс что-либо иное, будет увеличивать свои земельные владения. Но ни аграрные законы, ни какой-либо другой закон никогда не могут иметь обратного действия; и нельзя конфисковать какие-либо земли, приобретенные законно, сколько бы этих земель ни было, по более позднему закону, который запрещает иметь столько земли. Никакой закон не может отнять у кого-либо какую-либо часть его имущества; Закон может только помешать ему приобрести еще больше. Тогда, если он преступает закон, он заслуживает наказания; и излишек, незаконно приобретенный, может и должен быть конфискован. Римляне увидели необходимость аграрных законов, когда уже не время было их

устанавливать; и из-за того, что не сделали они того различия, которое только что сделал я, они погубили, в конце концов Республику при помощи того самого средства, которое должно было ее сохранить. Гракхи хотели отнять у патрициев их земли; а нужно было помешать патрициям эти земли приобретать. Правда, впоследствии эти самые патриции приобрели еще больше земли несмотря на закон; но это случилось потому, что, когда закон был принят, зло успело укорениться и было уже поздно этому воспрепятствовать.

Страх и надежда — вот два орудия, при помощи которых управляют людьми, но вместо того, чтобы пользоваться этими двумя орудиями, не делая различия между ними, следует использовать их в соответствии с их природой. Страх не возбуждает, он сдерживает; и использование его в законах о наказаниях, служит не тому, чтобы побуждать делать добро, а тому, чтобы помешать творить зло. Не видно даже, чтобы страх перед нищетою делал когдабы бездельников трудолюбивыми. Вот почему, для того, чтобы возбудить среди людей настоящее соревнование в труде, следует показывать им, что труд — это не средство избежать голода, а способ достигнуть благосостояния. Так давайте же установим такое общее правило: никто не должен быть покаран за то, что он не делал чего-либо, но за то, что он сделал.

Следовательно, для того, чтобы пробудить какую-либо нацию к деятельности, ее нужно улечь великими надеждами, возвышенными желаниями, высокими положительными побудителями к действию²⁸. Главные движущие силы, которые заставляют людей действовать, если их хорошенько рассмотреть, сводятся к двум: сластолюбию и тщеславию; если вы отнимите у первого то, что принадлежит второму, то вы обнаружите при окончательном рассмотрении, что все сводится почти что к одному только тщеславию. Нетрудно увидеть, что все сластолюбцы, щеголяющие этим, не более как тщеславны; их так называемое сластолюбие — это не более как щегольство, и оно состоит не столько в том, чтобы наслаждаться, сколько в том, чтобы выставлять напоказ или расписывать свое сластолюбие. Истинное наслаждение просто и безмятежно; оно любит тишину и покой; тот, кто его испытывает, поглощен им всецело, он не забавляется тем, что говорит: «Я наслаждаюсь». Но тщеславие — это плод предрассудков; из них оно рождается и ими питается. Отсюда следует, что арбитры суждений народа — это арбитры его поступков. Народ оценивает что-либо в соответствии с тем значением, которое он этому придает; показать народу, что он должен ценить, значит — сказать ему, что он должен делать. Само название «тщеславие» выбрано не наилучшим образом, потому что это лишь одна из двух разновидностей самолюбия. Здесь мне нужно точнее разъяснить мою мысль. Предрассудок, который придает большую цену чему-то незначительному, порождает тщеславие; тот же, который имеет своим предметом нечто великое и прекрасное само по себе, порождает гордость. Следовательно, народ можно сделать гордым, или тщеслав-

ным в зависимости от того, какие мы выберем предметы, на которые направим его суждения.

Гордость более естественна, чем тщеславие, потому что она состоит в том, чтобы ценить себя за то, что действительно ценно; тогда как тщеславие, придающее цену тому, что никакой ценности не имеет — это лишь результат постепенно складывающихся предрассудков. Требуется некоторое время, чтобы затуманить глаза нации. Поскольку нет, в самом деле, ничего более прекрасного, чем независимость и сила, то всякий складывающийся народ с самого начала горд. Но никогда еще в период своей молодости ни один народ не был тщеславен; ибо тщеславие по своей сущности индивидуалистично: оно не может служить орудием столь великого дела, как образование единой Нации.

Два противоположных состояния ввергают людей в одеяние безделья: одно из них — то душевное спокойствие, в силу которого мы довольствуемся тем, чем обладаем; второе — это ненасытное вожделение, дающее чувствовать невозможность его удовлетворения. Тот, кто живет, не имея желаний, и тот, кто знает, что он не может получить того, что желает, равным образом пребывают в бездействии. Чтобы действовать, нужно и стремиться к чему-либо и быть в состоянии этого достигнуть. Всякое Правительство, которое хочет сделать народ деятельным, должно позаботиться о том, чтобы дать ему предмет занятий, способный его увлечь. Сделайте так, чтобы труд давал гражданам большие выгоды и преимущества, представляющиеся таковыми не только вам, но и им; тогда вы непременно сделаете их трудолюбивыми. Среди этих выгод и преимуществ богатство отнюдь не является всегда наиболее привлекательным; оно может быть даже наименее привлекательно, если только не служит средством достижения того, что прельщает граждан.

Самый обычный и самый верный путь к удовлетворению своих желаний, каковы бы они ни были, — это власть. Поэтому к какой бы страсти ни имел склонность человек или народ, если страсти эти сильны — он всеми силами стремится к власти: либо как к цели, если он горд или тщеславен; либо как к средству, если он мстителен или счастолюбив.

Вот почему именно в правильно понимаемом умении распоряжаться силой в гражданском обществе и состоит великое искусство Правительства; не только для сохранения самого себя, но и для распространения во всем Государстве деятельности, жизни, чтобы сделать народ деятельным и трудолюбивым.

Сила в гражданском обществе проявляется двумя путями: одним — при помощи законов, через посредство органов власти; другим — противозаконным, с помощью богатств. Повсюду, где богатства господствуют, сила и власть обычно разделены, ибо средства разбогатеть и средства достигнуть власти не одни и те же и поэтому редко используются одними и теми же людьми. Тогда власть видимая находится в руках магистратов, а власть действительная — в руках богачей. При такого рода Правлении все идет по воле людских страстей; ничто не ведет в нем к цели установлений.

Тогда получается, что предмет вожделения разделяется: одни стремятся к власти, чтобы продать пользование ею богачам и таким способом обогатиться самим; другие, и их большинство, стремятся непосредственно к богатству, так как они уверены, что при помощи богатств они со временем приобретут силу, купив либо саму власть, либо тех, кто является ее блюстителями.

Предположите, что в Государстве, устроенном таким образом, почести и власть, с одной стороны, передаются по наследству; а, с другой, средства приобрести богатства доступны лишь для меньшинства людей и зависят от влияния, от покровительства, от друзей: не может быть тогда, чтобы нацию в большей ее части не охватило всеобщее отчаяние и одопенение, если она видит, как несколько пройдох богатеют, а потом, па этом же основании, постепенно достигают высших должностей.

Итак, говоря в общем, у всякой богатой нации Правительство слабо, и я называю «слабым» равно как то Правительство, которое действует слабо, так и то, которое нуждается в насильственных средствах, чтобы удержаться, что, в общем, одно и то же.

Ничто не может разъяснить мою мысль лучше, чем пример Карфагена и Рима. Первый убивал, распинал на кресте своих генералов, своих магистратов, своих членов, а представлял собой всего лишь Правительство слабое, которое непрерывно находилось в состоянии страха и неустойчивости. Второй никого не лишал жизни и даже не конфисковывал имуществ; обвиненный преступник мог уйти с миром, и процесс на этом заканчивался. Сила этого замечательного Правления не нуждалась в жестокости; самим великим из несчастий было перестать быть одним из его членов²⁹.

Народы будут трудолюбивы, когда труд будет в почете, а сделать труд почетным всегда зависит от Правительства. Пусть почет и власть будут достижимы для граждан, тогда они будут стремиться их достигнуть; но если граждане увидят, чтоуважение и власть слишком от них далеки, они не сделают и шага. Не тяжесть труда, но его бесполезность лишает их рвенья.

* * *

Меня спросят, можно ли, обрабатывая свое поле, приобрести способности, необходимые для того, чтобы управлять. Я отвечу, что можно, при Правлении простом и справедливом, таком, как наше. Большие способности заменяют патриотическое рвение; они необходимы, чтобы руководить народом, который совершенно не любит свою страну и совершенно не почитает своих правителей. Но сделайте так, чтобы народ проникся любовью к государству, чтобы он стремился к добродетелям, и забудем о ваших великих та-

лантах; они принесут больше зла, чем пользы. Лучший движитель Правления — это любовь к отечеству, и она возвращается в труде на полях. Здравого смысла достаточно, чтобы править хорошо устроенным Государством; а здравый смысл вырабатывается столько же в сердце, сколько и в голове: люди, которых не ослепляют их страсти, поступают всегда правильно.

*

Люди от природы ленивы; но страстное стремление к труду — это первый плод благоустроенного общества; и если народ вновь впадает в состояние лени и безразличия, то это происходит опять-таки из-за несправедливости этого же самого общества, которое не придает уже больше труду той цены, которой он заслуживает.

Повсюду, где царствуют деньги, те деньги, которые народ отдает, чтобы поддерживать свою свободу, всегда служат только орудием его же порабощения; и то, что платит он сегодня по добной воле, используется для того, чтобы заставить его платить завтра по принуждению.

*

Тогда-то нужно будет использовать весь излишек на развитие промышленности и ремесел, чтобы приобрести заграницей то, чего не хватает народу столь многочисленному для его пропитания. Тогда возникнут также мало-помалу пороки, неотделимые от этих заведений, и эти пороки, постепенно развращая нацию в ее вкусах и принципах, изменят и уничтожат в конце концов Правление. Это зло неизбежно; и так как необходимо, чтобы создания человеческих рук были конечны, то будет прекрасно, если после долгого и полнокровного существования Государство скончается вследствие разврата населения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Всякий ребенок, рожденный на острове, будет гражданином и членом Республики, когда он достигнет определенного возраста, в соответствии с постановлениями; и никто не сможет стать таковым иначе, как этим способом.

Таким образом, право гражданства не сможет быть даровано ни одному чужестранцу, кроме как один раз в пятьдесят лет, да и то одному единствен-

ному, если таковой появится и будет сочен того достойным, либо же самому достойному из тех, которые появятся. Его принятие станет общим праздником для всего острова.

Всякий корсиканец, который, достигнув полных сорока лет, не женится и никогда не состоял в браке до этого, будет лишен права гражданства на всю жизнь.

Всякий человек, который, меняя свое местожительство, перейдет из одного прихода в другой, потеряет право гражданства на три года и, по истечении этого срока, будет записан в новый приход и уплатит сбор; в противном случае он будет лишен права гражданства до тех пор, пока не уплатит этого сбора.

Из предыдущей статьи исключаются все те, кто занимает какую-либо общественную должность; они должны пользоваться всеми правами гражданства в том приходе, в котором они находятся, до тех пор пока исполняют свою должность.

Корсиканцы находились под властью генуэзцев; известно, какие притеснения заставили их восстать около сорока лет тому назад. С тех пор они сохранили свою независимость. Между тем, борзописцы все время называют их мятежниками; и неизвестно, сколько веков будут они продолжать их так называть. Нынешнее поколение вообще не знало порабощения: трудно постигнуть, как человек, рожденный свободным и сохраняющий свою свободу, может быть мятежником, в то время как удачливый узурпатор через два или три года превращается в священного монарха, в законного короля. Таким образом, правило давности применяется лишь в пользу тирании; оно никогда не применяется в пользу свободы. Такое понимание столь же разумно само по себе, сколь и лестно для сторонников таких взглядов. К счастью, названия это не суть ведей. Освободившись ценою своей крови, корсиканцы, мятежники или не мятежники, теперь свободны и достойны этого, назло генуэздам и борзописцам.

В каждом приходе будет вестись реестр всех земель, которыми владеет каждый человек. Никто не сможет владеть землею за пределами своего прихода. Никто не сможет владеть более, чем ... земли³⁰. Тот, у кого ее будет столько, сможет при помощи обмена приобрести еще столько же, но не больше, даже если земля будет худшего качества; и все дары, все наследства в виде земель не будут иметь силы.

Потому что вы правили справедливо в течение трех лет свободным народом, он поручает вам еще на три года так же им управлять.

Никакой мужчина-холостяк не будет иметь права составлять завещание, но все его имущество перейдет к общине.

Корсиканцы, тише! Я буду говорить от имени всех. Пусть те, кто несогласны, удалятся, а те, кто согласны, поднимут руку.

Необходимо, чтобы этому акту предшествовало обнародование, когда каждому предписывалось бы отправиться на место своего жительства в срок, который будет указан, под страхом лишиться права гражданства прирожденного или приобретенного.

1. Весь корсиканский народ объединится, принеся торжественную клятву, в едином Политическом организме; членами его будут с этого времени как те корпорации, из которых складывается нация, так и отдельные индивидуумы.

2. Этот акт объединения будет отпразднован в один и тот же день на всем острове; и все корсиканцы будут присутствовать при этом празднестве, насколько это будет возможно: каждый в своем городе, селении или приходе в соответствии с тем, как это будет более подробно указано.

3. Формула клятвы, произносимой под открытым небом, положа руку на Библию:

Во имя всемогущего Бога и на святых Евангелиях, священною и нерушимою клятвою соединяюсь я телом, имуществом, волею и всеми моими силами с корсиканской нацией, чтобы принадлежал я ей безраздельно, я сам и все, что от меня зависит. Я клянусь жить и умереть ради нее, соблюдать все ее законы, подчиняться всем ее законным правителям и магистратам во всем, что будет согласно с законами. И так да будет Бог мне в помощь в этой жизни и да смируется он над моей душой. Да здравствуют вечно свобода, справедливость и Республика корсиканцев! Аминь. И все, держа правую руку поднятою, ответят: Аминь.

В каждом приходе будет вестись точный реестр всех тех, кто будет присутствовать на этом торжестве. Их имена, имена их отцов, возраст и местожительство будут записаны в этом реестре.

Что до тех, которые в силу уважительных причин не смогут присутствовать на этом торжестве, то для них будут назначены другие дни, чтобы они могли принести ту же клятву и записаться в течение самое большое трехмесячного срока; по истечении сего времени всем тем, которые пренебрегут выполнением этого долга, будет за пропуском срока отказано в их праве и они останутся в классе чужеземцев или соискателей, о чем будет сказано ниже.

Страна обретает наибольшую силу своей независимости тогда, когда земля ее производит столько, сколько она может родить, т. е. когда в стране столько земледельцев, сколько их может быть.

На каждого ребенка, который будет следовать за пятым, отцу будет выделен общиной надел.

Те отцы, чьи дети будут отсутствовать, могут засчитывать их лишь после возвращения; а те дети, которые целый год будут пребывать вне острова, вообще не могут быть приняты в расчет даже после их возвращения.

Люди отвернутся от суеверий, когда будут полностью заняты своими гражданскими обязанностями, когда национальным празднествам будет придан настоящий блеск, когда большую часть того времени, которое они посвящали бы церковным обрядам, они станут посвящать обрядам гражданским; и все это можно сделать, если проявить некоторую ловкость так, чтобы не раздражить духовенство, дабы и на его долю всегда оставалось кое-что, но его часть должна быть настолько мала, что она не будет привлекать к себе внимания.

Из всех образов жизни более всего привязывает людей к их родной стране жизнь сельская.

Стражи законов смогут созывать Генеральные Штаты всякий раз, когда им это будет угодно; и со дня созыва их и до последующего дня после окончания собрания власть великого Подесты³¹ и Государственного Совета будет приостановлена.

Личность Стражей законов будет священна и неприкосновенна; и никто на острове не будет иметь власти их арестовать.

Каждый приход будет иметь право отзывать своих стражей законов и заменить их другими всякий раз, когда ему это будет угодно, но если только они не будут отзваны особым решением, то будут таковыми пожизненно.

В случае чрезвычайного созыва Штатов Сенатом, они не могут быть распущены, пока не будет распущен Сенат или великий Подеста отрешен от своей должности.

Все законы о наследовании должны быть направлены к тому, чтобы приводить все к равенству таким образом, чтобы каждый имел кое-что и чтобы никто не имел ничего излишнего.

Всякий корсиканец, который покинет свой приход, чтобы поселиться в другом приходе, потеряет свое право гражданства на три года; по истечении этого срока по его ходатайству и после оглашения, в случае, если за ним не будет никакой провинности, он будет вписан в реестры этого нового прихода и в то же сословие, в которое он был занесен в своем старом приходе: гражданином, если был он гражданином, патриотом, если был патриотом, и соискателем, если был только соискателем.

И корсиканцы должны были платить дань за то, чтобы получить, как милость, право не носить оружия.

На острове не будет ни одного экипажа; духовные лица и женщины смогут пользоваться креслами на двух колесах; но другие, каково бы ни было их положение, смогут путешествовать лишь пешком или верхом, если только они не увечны или не тяжело больны.

Никто не будет допущен к присяге в том, что касается его интересов. Но присяга не...

Никого нельзя будет заключать в тюрьму за долги; и даже в случае конфискаций, которые могут иметь место в домах какого-либо должника, ему будут оставлены, помимо одежды, чтобы прикрыть тело, его плуг, волы, постель и самая необходимая утварь.

Всякий холостяк, который женится до того, как ему исполнится двадцать лет, или только после того, как ему исполнится тридцать, или который женится на девице, еще не достигшей пятнадцати лет, или же на девице или вдове, возраст которой будет отличаться от его возраста более, чем на двадцать лет, будет исключен из сословия граждан, если только он не зачислен в это сословие в воздаяние за службу Государству.

Учитывая неравномерное производство продуктов на острове, не следует закрывать пути сообщения; нужно в некотором роде считаться с предрасудками народа и с его близорукостью. Видя, что ему не разрешают идти по соседству к его соотечественникам за теми продуктами питания, которых ему не хватает, он обвинил бы наши законы в произволе и в жестокости; он возмутился бы против них или втайне их возненавидел бы.

Если бы мы могли обойтись без денег и вместе с тем иметь все те выгоды, которые они дают, мы гораздо лучше использовали бы такие преимущества, чем обладая богатствами; потому что мы отделили бы эти выгоды от пороков, которые их отравляют и которые деньги приносят с собою.

Никто не должен быть магистратом по положению или солдатом по положению. Все должны быть готовы выполнять без различия те обязанности, которые возлагает на них отчество. На острове не должно быть никакого иного положения, как положение гражданина, и только оно одно должно заключать в себе все остальные.

Пока деньги будут корсиканцам полезны, они будут их любить; а пока они будут их любить, Республика будет содержать³² среди них лазутчиков и изменников, которые будут влиять на характер принимаемых решений и будут, так сказать, держать Государство на жалованье у его прежних господ.

Не следует никоим образом рассчитывать на воодушевление сильное, но всегда кратковременное — результат вновь обретенной свободы. Народный

героизм — это минутный порыв, за которым следуют слабость и упадок сил. Нужно основывать свободу народа на его образе жизни, а не на его страстиах. Ибо его страсти преходящи и изменчивы; между тем, действие хорошего государственного устройства длится столько же, сколько оно существует; никакой народ не может продолжать оставаться свободным дольше, чем до тех пор, пока он ощущает благо свободы.

Пусть они вновь как следует вспомнят, что всякого рода привилегии выгодны для частных лиц, которые их получают, и ложатся бременем на нацию, которая их дает.

Все Правительства, основанные на насилии, впадают в смешное противоречие: желая держать народы в состоянии слабости, они тем не менее сами хотят с их помощью стать сильными.

Нация никоим образом не будет знаменита, но она будет счастлива. О ней не будут говорить, ее мало будут почитать во внешнем мире, но она будет иметь у себя изобилие, мир и свободу.

Всякий проситель, который отвергнет посредничество старейших или который, приняв это посредничество, откажется подчиниться их решению, если он проиграл это дело в судебном установлении, будет занесен в особые списки и признан неспособным в течение пяти лет исполнять любую общественную должность.

Всякая дочь гражданина, которая выйдет замуж за корсиканца, получит приданое от прихода жениха, к какому бы классу он ни принадлежал: этим приданым будет всегда участок земли, и его будет достаточно, если жених будет соискателем, чтобы он мог быть переведен в класс патриотов.

Из всех Правлений демократическое всегда обходится дешевле всего, потому что в нем общественная роскошь — это лишь изобилие людей и потому что там, где народ — господин, власть не нуждается ни в каких блестящих атрибутах.

Ибо, когда два или несколько Государств подчинены одному и тому же государю, то в этом нет ничего противного праву и разуму. Но если одно Государство подвластно другому Государству, то это представляется несовместимым с природою Политического организма.

Хотя я и знаю, что у корсиканской нации есть предрассудки весьма противные моим принципам, мое намерение состоит вовсе не в том, чтобы при помощи искусства убеждать корсиканцев принять эти мои принципы. На-против, я хочу им изложить мое мнение и мои основания настолько ясно, чтобы здесь не оказалось ничего, что могло бы ввести в заблуждение; потому что

весьма возможно, что я ошибаюсь, и мне было бы очень досадно, если бы они приняли мое мнение себе во вред.

Откуда пришли на Корсику раздоры, ссоры, гражданские войны, которые раздирали ее в течение стольких лет и принудили в конце концов прибегнуть к помощи пизандев³³, а затем и генуэзцев? Не было ли все это делом рук знати? Не она ли привела народ в отчаяние и заставила его предпочесть покой в рабстве бесчисленным бедствиям, которые он испытывал под властью стольких тиранов? Хочет ли он теперь, после того как сбросил ярмо, возвратиться в то состояние, которое заставило его под это ярмо склониться?

Я не буду проповедывать им мораль, я не стану предписывать им такие-то добродетели. Но я поставлю их в такое положение, что они будут обладать этими добродетелями, не зная самого этого слова; и будут добрыми и справедливыми, не зная как следует, что такая справедливость и доброта.

Я не знаю, как это получается, но я хорошо знаю, что больше всего мешничества оказывается именно в тех делах, в которых больше всего реестров и счетных книг.

Таковы были эти юные римляне, которые, прежде чем командовать армиями, были в них квесторами или казначеями. Такие казначеи не были людьми низкими; им не приходило даже в голову, что можно нажиться на порученных им попечению общественных суммах; и военные кассы без риска можно было передавать в руки Катонов.

Вместо того, чтобы обуздывать роскошь при помощи законов против роскоши, лучше предупреждать ее при помощи такого управления, которое делает ее невозможной.

Я убежден, что, если хорошо поискать, на острове можно будет найти залежи железа; будет лучше, если найдут железо, чем если найдут золото.

И даже если нет уверенности, лучше начать с того состояния, которое естественно ведет к другому и от которого можно всегда перейти к первому, чем начать с такого состояния, от которого вернуться к первому уже нельзя, и которое не сулит уже ничего, кроме разрушения и разорения.

*Le prerogative che goderanno le suddette famiglie *.*

Разрушительна для духа Республики статья, по которой военные должны быть безоговорочно подчинены магистратам и смотреть на себя лишь как на служителей Закона. Крайне важно, чтобы занятие военной службой не являлось постоянным само по себе, но было лишь одним из случаев занятий

* Преимущества, которыми будут пользоваться названные выше семьи (*итал.*) ³⁴.

гражданина. Если бы дворянство обладало прерогативами, отличаями в войсках, то вскоре военные начальники сочли бы, что они стоят выше начальников гражданских; на правителей Республики стали бы смотреть уже только как на «судейских крючков»; и Государство, управляемое по-военному, очень скоро подпало бы под иго деспотизма.

Это великолепное средство научить все подчинять Закону — когда все видят, как возвращается к частной жизни человек, которого столь уважали, когда он был в должности; и для него самой уверенность в том, что он когда-нибудь опять станет частным человеком преподает ему великий урок блюсти права частных лиц.

Например, в силу того, что провинция Капо Корсо не может производить ничего, кроме вина, следует препятствовать производству его в остальных частях острова, дабы эта провинция могла сбывать свой продукт.

Ибо, в силу того, что собственность частных лиц столь непрочна и столь зависима, Правительству необходима лишь незначительная сила, и оно руководит подданными, так сказать, мановением своего пальца.

Где те государи, которые решатся собрать богословов, чтобы справиться у них, законно ли то, что они хотят предпринять?

Я питаю глубокое уважение к Генуэзской Республике; я почитаю также в отдельности каждого суверена, хотя я и говорю им всем иногда несколько суровые истины. Да будет угодно небу, чтобы для их же собственной пользы, им чаще решались говорить эти истины и чтобы они иногда удостаивали их выслушивать.

Обратите внимание, умоляю вас, что я не выдаю здесь ни повинности, ни какие бы то ни было принудительные работы за безусловное благо; было бы лучше, если бы все это делалось по добной воле и за плату, если бы только средства платежа не вызывали бесконечного множества огромных злоупотреблений и несчастий, еще больших, еще более безграничных, чем те несчастья, которые могут произойти от такого принуждения, особенно, когда те, которые налагают повинности, относятся к тому же разряду, что и те, на кого эти повинности налагаются.

Ибо, когда будет существовать лишь один вид доходов, именно — плоды земли, то будет уже и один только вид достояния, а именно — сама земля.

Ибо подлинный дух собственности публичной состоит в том, чтобы право на собственность у частных лиц было прочно в роду по прямой линии и весьма слабо или ничтожно по боковой линии родства.

Корсиканцы еще находятся почти в состоянии естественном и здоровом; но необходимо большое искусство, чтобы удержать их в этом состоянии, потому что их предрассудки все больше отдаляют их от него: у них есть именно то, что для них нужно, но они хотят того, что не принесет им добра. Чувства говорят им верно: обманывают же их сотни ложных познаний. Они видят обманчивый блеск соседних народов и горят желанием стать такими же, потому что не знают их бедствий и не видят, что они сами несравненно лучше.

Воспрепятствовать вывозу продуктов питания это значит подорвать крупные земельные владения.

Благородный народ! Я хочу дать вам вовсе не искусственные и систематизированные законы, изобретенные людьми; но привести вас к одним только законам природы и порядка, которые повелевают сердцу и не насилиуют желаний.